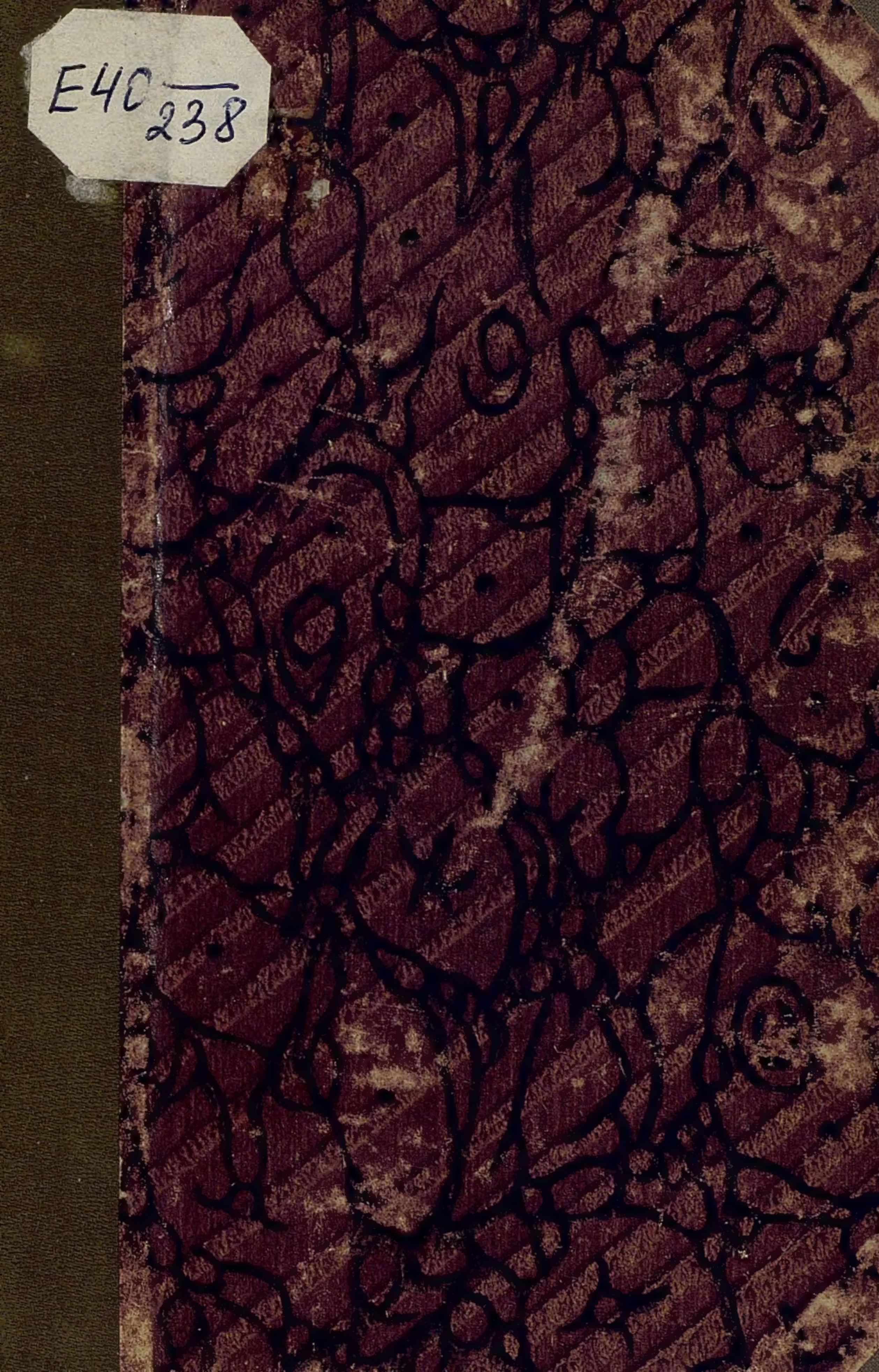

Е4С
238

Эмма Гольдман.

АНАРХИЗМ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУА“
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.
1921.

Типография „ГОЛОС ТРУДА“. Петербург.

Предисловие.

Около 25 лет тому назад я услыхала первого великого анархистского оратора—несравненного Джона Моста. Мне казалось тогда и в продолжение многих лет спустя, что слово, брошенное в толпу с таким удивительным красноречием, с таким энтузиазмом и огнем, никогда не может быть изглажено из человеческой души. Как могли все те люди, которые стекались на митинги Моста, избежать магнетического влияния его пророческого голоса. Казалось, достаточно для них послушать его, чтобы отбросить прежнюю веру и увидеть истину и красоту анархизма;

Мое тогдашнее единственное желание сводилось к тому, чтобы я могла говорить, как Джон Мост, и чтобы я так же могла захватить своим красноречием народные массы. О, наивность и энтузиазм юных дней! Это—момент в жизни человека, когда самые трудные вещи кажутся совсем легкими. Это, может быть, единственный период, когда стоит жить. Увы, он продолжается недолго. Как и весна в природе, это бурное время в жизни пропагандиста дает затем нежный, слабый росток, который или крепнет или гибнет смотря по тому, насколько он способен сопротивляться тысяче неблагоприятных обстоятельств.

Моя вера в чудодейственную силу устного слова уже исчезла. Я поняла, насколько оно

слабо, чтобы вызвать в слушателе мысль или даже внешнее волнение. Постепенно и не без борьбы я пришла к заключению, что устная пропаганда в лучшем случае есть лишь средство к тому, чтобы только пробудить людей от сна,—но она не оставляет никакого длительного впечатления. Уж один тот факт, что в большинстве случаев люди приходят иа митинг или потому, что заинтересованы газетными сенсациями, или потому, что хотят просто развлечься, есть ясное доказательство того, что у них нет серьезного желания научиться чему-либо.

Совершенно другое приходится сказать о писанном или печатном слове. Никто не станет браться за серьезные книги, если он на самом деле не интересуется передовыми идеями. Это приводит меня к другому открытию, сделанному мною после многих лет общественной деятетьности,—именно, что несмотря на все влияние воспитания человек воспринимает только то, в чем заинтерсссован его ум. Эта истина уже признается теперь многими современными авторитетами в педагогике по отношению к детям. Но я думаю, что то же можно сказать и о взрослых. Анархистов или революционеров можно сделать не больше, чем музыкантов. Все, что можно сделать, это лишь заронить семена мысли. Разовьется ли из этого что-либо сильное и здоровое или нет, зависит от плодородности человеческой почвы, хотя имеет значение также и качество идейного семени.

На митингах внимание аудитории отвлекается тысячами посторонних вещей. Оратор хотя он был очень красноречив, не может

не подпасть под влияние беспокойной толпы, и в результате он не в состоянии затронуть глубокие струны в душах слушателей. Часто он не может даже проявить все свои достоинства.

Отношение между писателем и читателем более интимно. Правда, книги являются только тем, чем мы хотим, чтобы они были, или скорее тем, что мы ~~хотим~~ в них найти. Это доказывает, насколько писанное слово важнее устного. Именно это соображение и заставило меня собрать в одном томе мои идеи на различные темы. Они рисуют процесс моего умственного и душевного развития в течение 21 года и представляют собою выводы, к которым я пришла после многих перемен и обдумываний.

Я далеко не надеюсь, что мои читатели будут столь же многочисленны, как и слушатели, приходившие на мои лекции. Но я предпочитаю иметь дело с немногими, которые на самом деле желают научиться, чем с толпой, которая являлась на митинги, ища развлечения.

Что касается книги, то пусть она говорит за себя. Пояснительные заметки лишь отвлекают внимание от излагаемых мыслей. Однако, я желала бы заранее предупредить два возражения, которые будут без сомнения выдвинуты против меня. Одно из них относится к главе „Анархизм", а другое к главе „Меньшинство против большинства".

-—„Почему вы не говорите о том, как все будет устроено при анархизме?—вопрос, который я слышала тысячу раз. Потому что я верю, что последовательный анархизм не мо-

жет навязывать точно выработанную программу или метод действия на все будущее время. Предрассудки, против которых должно бороться каждое новое поколение и которые оно в конце концов может преодолеть, являются пережитком прошлого, которое держит нас всех в своих сетях. Анархизм, как я его по крайней мере понимаю, предоставляет потомству свободу развивать свои системы соответственно своим нуждам. Наше самое пылкое воображение не может предвидеть все возможности, которые встанут перед человечеством. освобожденным от всякого внешнего принуждения. В таком случае, как можно браться за то, чтобы вырабатывать линию поведения для тех, кто придет после нас? Мы, которые платим так дорого за каждый глоток чистого свежего воздуха, должны воздерживаться от тенденции стеснять будущее свободное развитие. Если мы достигнем хотя бы того, что расчистим почву от остатков и обломков прошлого и настоящего, то мы оставим потомству величайшее и надежнейшее наследство.

Самая неприятная черта, часто встречающаяся среди читателей,—это вырвать какую-нибудь фразу из книги и пользоваться ей, как критерием мыслей автора или его личности. Фридриха Ницше, например, называют ненавистником слабых, потому что он верил в „сверхчеловека“. Мелочным критикам этого гигантского ума даже не приходит и голову, что идея о сверхчеловеке подразумевает такое состояние общества, в котором не может быть ни слабых, ни рабов.

Та же узкая точка зрения видит в Максе

Штирнере только апостола теории „каждый для себя, и пусть дьявол берет себе отсталых". При этом совершенно игнорируется, что индивидуализм Штирнера содержит величайшие социальные возможности. Тем не менее верно, что, если общество когда-либо будет свободно то это произойдет благодаря освободившимся индивидуумам, свободные усилия которых создают общество.

Эти примеры приводят меня к возражению, которое делается по поводу главы „Меньшинство против большинства", Без сомненья на меня будут указывать, как на врага народа, но я отрицаю значение масс, как творческого фактора. Я предпочитаю такое обвинение и не стану говорить демагогических общих фраз, которые часто употребляются для привлечения на свою сторону симпатий народа. Я понимаю слишком хорошо горькое чувство придавленного и обездоленного народа, но я отказываюсь преподносить обычные смешные паллиативы, которые не дают пациенту ни жить, ни умереть. В борьбе против социальных зол допустимы все крайности, ибо крайние взгляды большею частью самые правильные То, что я не верю в большинство, диктуется моей верой в возможности отдельного человека. Только когда последний сможет свободно выбирать себе товарищей для достижения общих целей, мы можем надеятся на водворение порядка и гармонии вместо хаоса и несправедливости, царящих теперь в мире.

В дальнейшем пусть моя книга говорит за себя.

Эмма Гольдман.

Анархизм.

За что он стоит.

Анархия.

Всегда оклеветанная, проклинаемая, никогда
не понимаемая,
Ты являешься свирепым ужасом нашего времени.
„Ты—разрушенис всякого порядка,“ кричит
толпа,
„Война и безудержная злоба убийств“.
Пусть они кричат. Тем, кто никогда не стремился.
Найти истину, скрывающуюся за словом,
Тем не дано понять его истинное значение.
Они останутся навсегда слепыми среди слепых.
Но ты, о слово, такое ясное такое сильное
и чистое,
Ты провозглашаешь все, что я поставил себе
целью.
Я отдаю тебя будущему! Ты будешь жить,
Когда каждый пробудится в самом себе.
Придет ли это при свете солнца или под
свист бури,
Я не могу сказать, но земля это увидит.
Я—анархист! Поэтому я не стану
Управлять, но не желаю и быть управляемым.

Джон Генри Макей.

История человеческого развития есть в то же время история отчаянной борьбы каждой новой идеи, возвещающей более светлое будущее. В своей упорной любви к укоренившимся традициям приверженцы старины никогда не колеблются пустить в ход самые подлые и жестокие методы борьбы, чтобы только задержать наступление нового, в какой-бы форме оно ни выражалось. Нам не

нужно обращаться к далекому прошлому чтобы видеть, какая сильная оппозиция, какие громадные трудности и препятствия стоят по пути к осуществлению каждой прогрессивной идеи. Дыба, машина для завинчивания пальцев и кнут—еще живы среди нас; рядом с этим платье арестанта, общественная злоба —все работает против духа, смело идущего вперед.

Анархизм не мог надеяться избежать судьбы всех других новаторских идей. Наоборот, как самое революционное и некомпромиссное течение, анархизм должен был встретиться с невежеством и злобой мира, который он имел в виду перестроить.

Чтобы коснуться хотя бы вскользь всего, что было сказано и сделано против анархизма, пришлось бы писать целый том. Поэтому я разберу только два главных возражения. Делая это, я попутно постараюсь об‘яснить, за что стоит анархизм.

Странной чертой оппозиции анархизму является то, что при этом выявляется отношение между так называемым развитым интеллектом и невежеством, хотя, если принять во внимание относительность всего существующего, это не должно казаться странным. Невежественные массы имеют в свою пользу то, что они и не претендуют на знание или терпимость. Они всегда действуют импульсивно, рассуждая как дети. „Почему?“—„А потому что“. Однако оппозиция невежественных масс анархизму заслуживает такого же внимания и обсуждения, как и оппозиция интеллигентных людей.

Каковы же возражения? Во первых, анар-

хизм непрактичен, хотя и является прекрасным идеалом. Во вторых, анархизм стоит за насилие и разрушение и поэтому должен быть отвергнут, как преступный и опасный путь. И интеллигенция, и невежественный народ судят не на основании точного знания предмета, а по наслышке или вследствие ложного толкования.

Практическая схема, как сказал Оскар Уайльд, есть такая, которая или уже существует в действительности или может быть осуществлена при настоящих условиях. Но анархизм именно протестует против этих самых условий, и всякая схема, которая примиряется с ними, уже по одному этому неправильна и не разумна. Истинный критерий практичности поэтому заключается не в том, чтобы предлагаемая схема оставляла нетронутыми то, что неправильно и неразумно, а в том, имеет ли она в себе настолько силы и жизненности, чтобы уничтожить стоячие воды старины и построить и поддержать новую жизнь. При свете такой логике анархизм является совершенно практичным. Более, чем какая бы то ни было другая идея, он помогает отделаться от неправильного и неразумного старого и построить и поддержать новую жизнь.

Вражда и ненависть в невежественном человеке постоянно подогреваются самыми ужасными рассказами и историями, от которых кровь стынет, относительно анархизма и анархистов. О них считается возможным говорить самые скверные вещи. Поэтому для неинтеллигентного человека анархизм является чем-то вроде буки для детей—чудовищем, которое

все пожирает и несет в себе разрушение и насилие.

Разрушение и насилие! Но откуда же знать обыкновенному человеку, что самым свирепым элементом в обществе, несущим в себе насилие, является невежество, что анархизм выступает именно против разрушающей силы невежества? Он не знает также, что анархизм, который основывается на самой природе, разрушает не здоровые ткани общественного организма, а паразитические наросты, вытягивающие все жизненные соки из общества. Анархизм лишь очищает почву от всякой гадости и дряни, чтобы она могла затем принести здоровые плоды.

Кто-то сказал, что гораздо меньшее умственное усилие требуется для того, чтобы осуждать, чем для того, чтобы думать. Распространенная всюду умственная лень, господствующая в обществе, доказывает, что это верно. Вместо того, чтобы основательно разобраться в вопросе, рассмотреть его происхождение и значение, большинство людей предпочитают или огулом осуждать или полагаться на поверхностные или пристрастные характеристики второстепенных мелочей.

Анархизм заставляет человека думать, расследовать и анализировать каждое предложение. Но, чтобы не обременять читателя излишними деталями, я также начну с определения, которое затем постараюсь развить.

Анархизм есть философия нового общественного строя, основанного на свободе, неограниченной какими бы то ни было человеческими законами: это есть теория, согласно которой все формы правления основываются

на насилии и поэтому являются ложными, вредными и также ненужными.

Новый общественный строй основывается, конечно, на материальной базе, но, хотя все анархисты согласны, что главное зло сегодняшнего дня заключается в экономике, они полагают, что устранить это зло можно только путем разрешения всех вопросов, касающихся всех сторон жизни,—как индивидуальной, так и общественной, как внутренней, так и внешней.

Подробное изучение истории человеческого развития раскрывает перед нами два элемента, резко сталкивающиеся друг с другом, хотя теперь начинают понимать, что эти элементы не чужды друг другу, но тесно связаны между собой и гармоничны, если только их поставить в надлежащие условия. Это—индивидуальные и социальные инстинкты. Личность и общество вели в течение долгих веков беспощадную кровавую борьбу между собой, при чем каждый стремился к превосходству, не понимая значения и важности другого. Индивидуальные инстинкты являются самым важным фактором человеческого развития, роста, стремлений, усилий и осуществлений; социальные инстинкты являются столь же важным фактором взаимной помощи и общественного благополучия.

Об‘яснение борьбы между человеком, и окружающей его средой, напрашивается само собой. Первобытный человек, будучи не в состоянии понять самого себя и еще менее идею единства всей жизни, чувствовал себя в абсолютной зависимости от слепых, тайных сил природы, всегда готовых посмеяться

над ним и дразнить его. Из этого положения вытекало религиозное представление о человеке, как ничтожной пылинке, зависящей от верховных сил на небе, которых можно умилостивить лишь полным смирением. Все старые сказки и саги основаны на этой идее, которая продолжает быть главным мотивом библейских преданий, говорящих об отношениях человека к богу, государству и обществу. Всюду и везде повторяется одна мысль: человек ничто, силы—все". Так Егова терпит человека только на условии полного смирения и предания себя на милость его. Человек может иметь всю славу и величие на земле, но не должен сознавать себя. Государство, общество, нравственные законы, все поют ту же песню: человек может иметь всю славу на земле, но не должен сознавать себя.

Анархизм есть единственная философия, которая дает человеку сознание самого себя, которая утверждает, что бог, государство и общество не существуют, что их обещания пустые, ничего не значущие слова, так как они могут быть исполнены лишь при условии полного подчинения человека. Анархизм поэтому есть учитель единства жизни не только в природе, но и в человеке. Нет конфликта между личностью и социальными инстинктами как не может быть конфликта между сердцем и легкими; первое есть приемник драгоценной жизненной эссенции, второе—хранилище элемента, который делает эссенцию чистой и сильной. Личность есть сердце общества, хранящее в себе эссенцию социальной жизни; общество—легкие которые, распреде-

ляют элемент, делающий жизненную эссенцию —то есть личность,—чистой и сильной.

—„Единственная ценная вещь в мире“, сказал Эмерсон, „есть активная душа; каждый человек имеет это внутри себя. Активная душа видит абсолютную истину, высказывает истину и творит“. Другими словами, индивидуальный инстинкт есть ценная вещь в мире. Истинная душа видит и создает живую истину, из которой рождается еще большая истина,—возрожденная социальная душа.

Анархизм—великий освободитель человека от миражей, которое держали его до сих пор в плену, судья и умиротворитель двух сил индивидуальной и социальной гармонии. Чтобы завершить это единство, анархизм об‘явил войну всем гибельным влияниям, которые до сих пор мешали гармоничному единению индивидуальных и социальных инстинктов, личности и общества.

Религия—область человеческого ума; собственность—область человеческих нужд и потребностей; и правительство—область человеческого поведения; все это является оплотом порабощения человека и всех ужасов, к которым оно ведет. Религия! Как она господствует над умом человека и унижает его и развращает его душу. „Бог есть все и человек ничто,“ учит нас религия. Но из этого ничего бог создал царство столь деспотическое, тираническое, столь жестокое, столь ужасно требовательное, что с тех пор, как начались боги, миром управляли лишь слезы, кровь и мрак. Анархизм поднимает человека на восстание против этого черного чудовища. „Разбей свои умственные цепи“, говорит анархизм

человеку, потому что, пока ты не будешь думать и разсуждать сам за себя, ты не освободишься от власти тьмы, величайшего препятствия на пути к всеобщему прогрессу.

Собственность, область человеческих нужд есть в то же время отрицание на право удовлетворения нужд человека. Было время, когда собственность претендовала на божественное право, когда она обращалась к человеку, с теми же словами, как и религия: „жертвуй собой! откажись от себя! подчинись!“ Дух анархизма поднял человека из его прострации. Теперь он гордо выпрямился и его лицо обращено к свету. Он научился видеть, сколь ненасытна, всепожирающа и опустошительна природа собственности, и он готов теперь нанести этому чудовищу смертельный удар.

—„Собственность есть воровство“, сказал великий французский анархист Прудон. Но без риска и опасности для вора. Захватывая в свою монополию соединенные усилия человека, собственность ограбила у него принадлежащие ему по рождению права и выгнала его на улицу бедняком и отверженцем. Собственность не имеет даже обычной надоевшей отговорки, что человек не создает достаточно для удовлетворения всех своих нужд. Каждый начинающий студент политической экономии знает, что продуктивность труда в течение последних десятилетий далеко превысила нормальные потребности. Но каковы могут быть нормальные потребности у ненормального учреждения. Единственная потребность, которую признает собственность, есть ее жадный аппетит к все большему и большему богатству, ибо богатство обозначает власть,

право подчинять себе, давить, эксплоатировать, порабощать, оскорблять и развращать, Америка особенно гордится своим могуществом, своим огромным национальным богатством. Бедная Америка! На что ей все ее богатства, если люди, составляющие ее нацию бедны и жалки, если они живут в нищете, грязи, среди преступлений, без луча надежды и радости,—бездомная, бездушная армия, людская масса, готовая стать добычей эксплоататоров!

Все признают истину, что в любом деле, если доходы не покрывают расходы, банкротство неизбежно. Однако те, кто занят в деле производства богатства, не научился даже такой простой истине. Каждый год стоимость производства в человеческих жизнях ростет больше и больше (50,000 убитых и 100,000 раненых в Америке за прошлый год); доходы же масс, помогающих созданию богатств, все уменьшаются. Однако, Америка продолжает закрывать глаза на неизбежность банкротства в деле производства. Но это не единственное ее преступление. Еще более фатально преступление превращения производителя в простую частичку машины, которая имеет меньше воли и решительности, чем его стальной и железный господин. У человека отняты не только продукты его труда, но и право свободной инициативы, оригинальности, интерес к вещам, которые он производит, и самое желание производить их.

Истинное богатство состоит в полезных и красивых вещах, которые помогают создать сильные, красивые тела, и обстановку рождающую желание жить. Но, если человеку су-

ждено в течение 30 лет своей жизни наматывать хлопок на веретено, или катать уголь или строить дороги, то не может быть никакого розговора о богатстве. Он может дать миру только безобразные вещи, отражающие скучное и безобразное существование,—слишком слабое, чтобы жить, и слишком трусливое, чтобы умереть. Удивительно, что есть еще люди, которые восхваляют этот мертвящий метод централизованного производства, как самое великолепное достижение нашей эпохи. Они совершенно не в состоянии понять что, если мы будем продолжать подчиняться таким образом машине, то наше рабство будет более полно, чем во времена короля. Они не хотят знать, что централизация есть не только смерть свободе, но также здоровью и красоте, науке и искусству, ибо все это невозможно в машинообразной атмосфере, где все протекает по часам.

Анархизм может только отвергнуть такой способ производства; его цель—самое свободное по возможности выявление всех открытых сил человека. Оскар Уайльд описывает совершенную личность, как такую, которая развивается при совершенных условиях, и которая не ранена, не изуродована и не находится в опасности". Совершенная личность, таким образом, возможна только в таком состоянии общества, где человек может свободно выбирать себе характер работы, условия работы, и самую работу. Ибо делать стол, строить дом или обрабатывать землю может быть для одного человека тем же, что для художника рисовать, для научного деятеля заниматься открытиями—работой вдохнове-

ния, страстного желания и глубокого интереса к делу, что дает человеку творческую силу. Если идеал анархизма таков, то его экономическая система должна сводиться к добровольным производительным и распределительным ассоциациям, постепенно развивающимся в свободный коммунизм, как лучший способ производства с наименьшей потерей человеческой энергии. Однако анархизм признает также за каждым отдельным человеком или группой людей право устраивать в любое время другие формы работы, соответствующие их вкусам и желаниям.

Так как такое свободное проявление человеческой энергии возможно только при полной индивидуальной и социальной свободе, то анархизм направляет свои силы против третьего и величайшего врага всякого социального равенства,— именно государства, организованной власти и установленного закона, регулирующих человеческое поведение.

Как религия сковала человеческий ум, и как собственность или монополия на вещи подчинила себе и сузила человеческие потребности, так государство поработило человеческий дух, диктуя ему каждый шаг поведения... „Всякое правительство", говорит Эмерсон, „есть, в сущности, тирания". Совершенно не важно, действует ли правительство именем божественного права или именем большинства. В каждом случае оно стремится к абсолютному подчинению себе человеческой личности.

Рассуждая об американском правительстве, величайший американский анархист Давид Торо говорит: — „Правительство есть

ничто иное, как традиция не очень давнего происхождения; оно стремится к тому, чтобы перейти к потомству в неизмененном виде, но каждый раз теряет в своей целостности; оно не имеет жизненности и силы отдельного человека. Закон никогда не сделал ни одного человека справедливее ни на иоту; и именно вследствие своего уважения к закону даже наилучшие люди ежедневно превращаются в агентов и слуг несправедливости".

На самом деле, основная черта всякого правительства есть несправедливость. С высокомерием и самонадеянностью короля, который не может поступать неправильно, правительство приказывает, судит, осуждает и наказывает за самые незначительные проступки, удерживаясь само у власти посредством величайшего из всех преступлений,— уничтожения индивидуальной свободы. Уйда права, когда она говорит: „государство имеет в виду внушить своему народу только те качества, при которых его приказания будут исполняться и его казна будет наполняться. Величайшим достижением государства является низведение человечества до степени часовой бездушной машины. В его атмосфере все те более тонкие и деликатные свободы, которые требуют ухода за собой и свободного воздуха, неизбежно засыхают и гибнут. Государство требует машины, платящей налоги п работающей без перебоя, казны, в которой никогда не бывает дефицита, и народа послушного, безцветного, монотонного, бездушного идущего, как стадо овец, вдоль прямой дороги между двух стен".

Однако, даже стадо овец восстало бы про-

тив интриг государства, если бы оно не употребляло для своих целей тираннических, репрессивных и развращающих методов. Поэтому Бакунин отвергает государство, как синоним отречения от свободы личности и меньшинства, синоним разрушения общественных отношений, урезывания или даже полного отрицания самой жизни ради интересов государства. Государство есть алтарь политической свободы и как религиозный алтарь, он поддерживается для человеческого жертвоприношения.

Вообще вряд ли есть хотя бы один из современных мыслителей, кто бы не согласился, что правительство, организованная власть или государство нужно *только* для поддержания или защиты собственности и монополии. Оно доказало свою состоятельность только в этом отношении.

Даже Бернард Шоу, который надеется на чудеса от государства при фобианизме, признает тем не менее, что „в настоящее время государство есть громадная машина для ограбления и превращения бедняков путем грубой силы в рабов". Раз это так, то трудно понять, почему этот умный пропагандист все-таки желает сохранить государство даже после того, как бедность перестанет существовать.

К несчастью, есть еще много людей, которые продолжают упорно верить, что правительство основано на законе природы, что оно поддерживает общественный порядок и гармонию, что оно уменьшает преступление и не дает лентяю обманывать своих ближних. Рассмотрим эти утверждения.

Закон природы есть такой фактор в человеке, который проявляется свободно, внезапно, без всякого внешнего принуждения и в полной гармонии с требованиями природы. Например, требования питания, света, воздуха, физических упражнений, половые потребности,—это закон природы. Но для своего выявления он не нуждается в правительственном аппарате, в палке полицейского, в оружии, в наручниках и в тюрьме. Чтобы повиноваться естественному закону, если это вообще можно называть повиновением, требуется лишь отзывчивость и свобода. Что правительства не основываются на таких гармоничных факторах, доказывается уже тем ужасным списком насилий и принуждений, к которым прибегают все правительства мира для поддержания своего существования. Блэкстон был прав, когда сказал: „человеческие законы плохи, потому что они противны естественным законам природы“.

Трудно себе представить, чтобы правительство было способно к водворению порядка или социальной гармонии, если только под этим не понимать того пресловутого порядка, который царствовал в Варшаве после избиения тысячей людей. Порядок, достигнутый путем подчинения и поддерживаемый террором, не есть еще надежная гарантия; однако это—единственный порядок, который поддерживают все правительства. Подлинная социальная гармония вырастает из солидарности интересов. В обществе, где люди, работающие постоянно, не имеют ничего, а никогда не работающие имеют все, солидарности интересов, конечно, нет; отсюда и со-

циальной гармонии быть не может. Но организованная власть реагирует на это важное положение только тем, что раздает еще большие привиллегии тем, кто уже монополизировал в своих интересах всю землю и еще больше порабощает обездоленные массы. Таким образом весь арсенал правительственных мероприятий, — законы, полиция, солдаты, суды, парламенты, тюрьмы,—все это ревностно работает над „приведением в гармонию“ самых враждебных элементов в обществе.

Но самая абсурдная защита власти и закона, что они якобы достигают уменьшения преступлений. Не говоря уже о том, что государство само по себе есть величайший преступник, который нарушает все писанные и естественные законы, ворует под видом налогов, убивает под видом войны и смертной казни, государство пришло к полному нулю в борьбе с преступлениями. Оно оказалось совершенно не в силах уничтожить или даже уменьшить ужасный бич, который оно само же создало.

Преступление есть ничто иное, как неверно направленная энергия. Пока все существующие теперь учреждения и положения, экономические, политические, общественные и моральные, работают лишь в одном духе, направляя человеческую энергию в ложные каналы; пока большинство людей чувствуют себя не на месте, делая работу, которую они ненавидят, ведя жизнь, которая им противна, преступление останется неизбежным злом, и все законы и статуты могут только увеличить, но не уничтожить его. Что знает обще-

ство в том виде, как оно сейчас существует, об отчаянии, о бедности и нищете, об ужасной борьбе, через которую должен пройти человек по пути к преступлению и падению? Тот же, кто знает этот етрашный процесс, не может не видеть истину в следующих словах Петра Кропоткина:

— „Те, кто сравнит выгоды, приписываемые закону и наказанию, с развращающим влиянием, которое они оказывают на человечество; те, кто поймет, какое страшное разложение вносит в человеческое общество сыщик, покровительствуемый судьей и оплачиваемый монетой правительством под тем предлогом, что он помагает разоблачать преступления; те, кто пойдут по тюрьмам и увидят там, во что превращается человеческое существо когда оно лишено свободы, когда оно подвергается грубому обращению тюремщихов, жестоким, грубым словам, тысячам язвительных, оскорбительных унижений, те согласятся с нами, что весь аппарат тюрьмы и наказания есть проклятие, которое должно быть совершенно уничтожено“.

Устрашающее влияние закона на ленивого человека слишком ничтожно, чтобы о нем нужно было говорить. Если общество будет избавлено от напрасной траты сил и средств, от расходов по содержанию ленивого класса и таких же громадных расходов, которые этот ленивый класс требует на свою охрану, то общественный стол будет иметь всего в достаточном изобилии для всех граждан, включая сюда и случайного ленивца. Кроме того, нужно помнить, что лень является результатом или специальных привиллегий или

физической и умственной ненормальности. Наша теперешняя нездоровая система производства покровительствует и тому и другому, и в высшей степени удивительно, что народ вообще желает еше работать. Анархизм имеет в виду очистить труд от этого мертвящего, скучного элемента, от унижения и принуждения и стремится к тому, чтобы сделать работу средством к увеличению радости, силы, ярких красок, истинной гармонии так, чтобы самый бедный человек мог почерпнуть в работе и развлечение, и надежду.

Чтобы добиться такого устройства жизни, правительство с его несправедливыми, произвольными, репрессивными мерами должно быть уничтожено. В лучшем случае оно может лишь навязать однообразную систему жизни для всех граждан, не разбираясь в индивидуальных и социальных различиях и нуждах. Уничтожая правительство и установленные законы, анархизм предлагает восстановить самоуважение, независимость личности и свободу от всяких стеснений и вмешательств власти. Только при свободе человек может вырости во весь свой рост. Только при свободе он научится думать, действовать и проявлять свои лучшие стороны Только при свободе он уяснит себе истинную силу общественных связей, которые соединяют людей воедино и являются настоящим основанием нормальной общественной жизни. Но что сказать о человеческой натуре? Может ли она измениться? И если нет, то вынесет ли она анархизм?

Бедная человеческая натура, какие только ужасные преступления не совершались ради

твоего имени! Каждый глупец от короля до полицейского, от ограниченного тупого пастора до безидейного работника науки претендует говорить от имени человеческой натуры. И чем больше какой-нибудь шарлатан, тем сильнее он настаивает на скверности и слабости человеческой природы. Но как может кто-либо говорить об этом теперь, когда душа каждого человека заключена в тюрьму, а сердце заковано, связано, изранено и искалечено?

Джон Борроуз установил, что экспериментальное изучение животных, находящихся в заключении, совершенно бесполезно. Их характер, привычки, аппетиты, все это подвергается полной перемене, когда они оторваны от их почвы на поле и в лесу. Когда человек заключен в тесную клетку и каждый день подвергается побоям, то как мы можем говорить о его развитии и прогрессе?

Свобода, широкие рамки, случай и больше всего мир и спокойствие могут нас научить, каковы на самом деле главные факторы человеческой природы и всех ее удивительных возможностей.

Анархизм, таким образом, стоит за освобождение человеческого ума от владычества религии, за освобождение человеческого тела от владычества собственности, за освобождение от оков и стеснений правительства. Анархизм стоит за порядок, основанный на свободной группировке людей в целях производства истинного общественного богатства; за порядок, который гарантирует для каждого человека свободный доступ к земле и полное пользование всеми необходимыми

для жизни вещами, согласно индивидуальным желаниям, вкусам и наклонностям.

Это не есть дикая фантазия или увлечение ума. К такому заключению пришли очень и очень многие интеллигентные мужчины и женщины в мире, и их заключение основано на внимательном и точном изучении главных тенденций современного общества: индивидуальной свободы и экономичсского равенства, которые вызывают в человеке все, что в нем есть лучшего и благородного.

Теперь о методах. Анархизм не есть, как некоторые могут предполагать, теория будущего, которая должна быть осуществлена путем божественного вдохновения. Это—живая сила в нашей жизни, постоянно создающая новые условия. Поэтому методы анархизма не содержат в себе точно выработанной программы, которая должна быть выполнена при всяких условиях. Методы должны вырости из экономических нужд и потребностей каждого места и климата и сообразоваться с интеллектуальными и личными особенностями индивидуума. Спокойный, ясный характер Толстого будет требовать совсем других методов для общественной перестройки, чем глубокая, стремительная личность Михаила Бакунина или Петра Кропоткина. Также должно быть ясно, что экономические и политические нужды России потребуют более решительных мер, чем Англия или Америка. Анархизм не стоит за военную выправку и однообразие. Он стоит за мятеж и восстание во всякой форме против всего, что мешает человеческому прогрессу. Все анархисты сходятся в этом точно также, как они сходятся

в своем отрицании политической парламентской борьбы, как средства достижения больших социальных перемен.

„Всякое голосование“,—сказал Торо, „есть своего рода игра, как игра в карты, не больше и не меньше; его идейное значение столь же ничтожно, как и его целесообразность. Даже голосование за правильный принцип ровно ничего для него не делает. Разумный человек не оставит своего права на произвол случая и не захочет подкреплять его властью большинства“. Внимательное изучение политического аппарата и его достижений приведет нас к тем же выводам, что и Торо.

Что показывает история парламентаризма? Ничего кроме провалов и неудач,—ни одной реформы, улучшающей экономическое и общественное положение народа. Принимались законы, издавались постановления для улучшения и охраны труда, но толку от этого не получалось никакого. Так только в прошлом году было доказано, что в Штате Иллинойс с его самыми строгими законами относительно охраны труда в копях произошла самая ужасная катастрофа в рудниках. В штатах, где существуют законы об охране детского труда, эксплоатация детского труда свирепствует более, чем где бы то ни было. Хотя у нас рабочие пользуются всеми политическими привиллегиями, капитализм достиг в Америке наивысшего развития.

И даже если бы рабочие могли иметь своих собственных представителей, чего добиваются наши социалисты, то какие шансы они имели бы для проявления своих добрых намерений? Нужно только вспомнить, что та-

кое самый процесс политической борьбы, к каким средствам прибегают политические деятели для достижения своих целей: забегание с задней двери, интриги, ложь, обман, все это пускается в ход. К этому нужно прибавить обыкновенно полное отсутствие честности и убеждений, чтобы понять, что от таких людей ничего хорошего ждать нельзя. Неоднократно народ по своей доверчивости обращался к ним, поддерживал их, верил, отдавая последнюю копейку, и каждый раз они обманывали его.

Можно возразить, что действительно честные люди не поддадутся влиянию этой политической мельницы. Может быть и нет. Но такие люди будут совершенно безпомощны, чтобы оказать хотя бы малейшее влияние в защиту интересов труда, что было уже доказано многими примерами. Государство—экономический хозяин своих слуг. Хорошие люди, если таковые есть, или останутся верными своим политическим убеждениям и поэтому не будут встречать поддержки, или же они станут на сторону своего экономического хозяина и не будут способны ни к чему хорошему. Политическая арена не оставляет никакой другой альтернативы,—входящие на нее должны быть или глупцами или негодяями.

Политические предрассудки все еще владеют умами и сердцамн народных масс, но истинные любители свободы должны от них отделаться. Вместо этого они будут верить вместе с Штирнером, что человек получает такую свободу, какую он хочет иметь. Анархизм поэтому стоит за прямое действие, за

открытый вызов и борьбу против всяких законов и стеснений,—экономических, социальных и моральных. Но вызов и борьба не законны. В этом залог спасения человека: Все незаконное требует от него цельности, положительности, храбрости и мужества,—требует свободного, независимого духа, людей твердых, сильных и преданных делу.

Всеобщее избирательное право обязано своим происхождением прямому действию. Если бы не дух возмущения и вызова со стороны наших отцов, американских революционеров, то их потомки до сих пор были бы подданными короля. Если бы не прямое действие Джона Брауна и его товарищей, то Америка до сих пор вела бы торговлю неграми. Правда, торговля белыми все еще продолжается, но она также когда-нибудь будет прекращена благодаря прямому действию. Трэд-юнионизм, который является экономической ареной современного гладиатора, обязан своим существованием прямому действию. Еще недавно закон и правительство пытались раздавить трэд-юнионистское движение и присуждали тех, кто стоял за право рабочих организовываться, к наказанию, как заговорщиков. Если бы они тогда стали защищать свое право просьбами, юридическими доводами, компромиссами, то трэд-юнионизм был бы теперь ничтожной величиной. Во Франции, в Испании, в Италии, в России и даже в Англии (доказательством чего является все растущее революционное движение среди английских рабочих союзов) прямое революционное экономическое действие стало такой крупной силой в борьбе за индустриальную

свободу, что мир был принужден признать огромное значение могущества рабочих. Всеобщая стачка, высшее выражение экономического сознания рабочих, недавно еще осмеивалось в Америке. Теперь каждая крупная стачка, чтобы выиграть победу, должна признать важность общего солидарного протеста.

Прямое действие, практичность которого в экономической борьбе доказана, является столь же хорошим орудием для защиты индивидуальных прав. Сотни враждебных сил наступают на человека, и только упорное сопротивление может окончательно освободить его. Прямое действие, направленное против власти на заводе, против судебной власти, против власти вторгающегося всюду морального кодекса, есть логический и последовательный метод борьбы анархизма.

Не поведет ли это к революции? Да, поведет. Действительная социальная перемена ни разу еще нигде не происходила без революции. Люди часто или не знают истории своей страны или не уразумели, что революция есть ничто иное, как мысль, превращенная в действие.

Анархизм, крепкие дрожжи человеческой мысли, теперь проникает всюду во все отрасли и стороны человеческой работы. Наука, искусство, литература, драма, борьба за экономическое улучшение, вообще всякая индивидуальная и общественная оппозиция существующему порядку вещей,—все это находится под влиянием идейного света анархизма, который является философией, ставящей на первый план человеческую личность,

теорией социальной гармонии и великой, растущей, живой силой, которая имеет в виду перестроить весь мир, и уже приближает нас к заре будущего.

Меньшинство против большинства.

Если бы мне нужно было указать наиболее характерную черту нашего времени, то я бы сказала: количество. Количество, множество доминирует всюду, подавляя качество. Вся наша жизнь,—производство, политика, образование,—основана на количестве, на численности. Рабочий, который когда-то гордился совершенством и качеством своей работы, заменен ныне безмозглыми, некомпетентными автоматами, которые производят огромное количество продуктов, не имеющих для них никакой цены, и вообще зачастую вредных для остального человечества, Так количество, вместо того, чтобы увеличить комфорт и мир в жизни, увеличило лишь тяжесть, лежащую на человеке.

В политике ничто, кроме количества, не имеет значения. Соответственно с этим идеалы, принципы, справедливость и прямота потеряли, будучи совершенно поглощены численностью. В борьбе за превосходство различные политические партии соперничают одна с другой в ловкости, хитрости, обмане и темных махинациях, будучи уверены, что та, которая победит, может расчитывать в качестве победителя на апплодисменты большинства. Есть только один бог—успех. А за счет чего, ка-

кой ужасной ценой он получен, это считается неважным. Нам не приходится ходить далеко, чтобы доказать эту печальную истину

Никогда раньше такое разложение, такое полное падение нашего правительства не было так ясно у всех перед глазами; никогда раньше американский народ не стоял лицом к лицу перед такой подлой организацией, которая втечение долгих лет претендовала на безупречность, выставляя себя главной основой всех наших учреждений и защитницей и покровительницей народных прав и свобод. Однако, когда преступления партии сделались настолько вопиющими, что даже слепой мог их увидеть, правительству стоило только пустить в ход своих агентов,—и его превосходство было обеспечено. Таким образом, сами жертвы, обманутые, одураченные, оскорбленные тысячу раз, решили не против, а в пользу победителя. Некоторые удивленно спрашивали потом, какже большинство предало традиции американской свободы? Где же был его разум, способность рассуждать. В том то и дело, что большинство не может рассуждать, у него нет разума. Не имея совершенно ни оригинальности, ни нравственного мужества, большинство всегда вручало свою судьбу в руки других. Неспособное нести ответственность, оно всегда следовало за своими лидерами, хотя бы они вели его к гибели. Доктор Штокман был прав, говоря: „самый опасный враг истины и справедливости среди нас есть сплоченное большинство, проклятое сплоченное большинство“. Без амбиции и инициативы сплоченная масса ничто так не ненавидит, как всякое нобшество; она всегда про-

тивилась, осуждала и преследовала новатора, пионера новой истины.

Теперь часто повторяют среди политиков, включая и социалистов, следующие слова: „Наше время—есть эра индивидуализма, меньшинства.“ Только те, кто не отличается глубиной мысли, могут так думать. Разве богатство мира не собрано в руках немногих? Разве они не хозяева, не самодержавные короли положения? Однако, их успех не есть результат индивидуализма, а инерции, запуганности и полного подчинения народной массы. Она только того и хочет, чтоб над ней доминировали, ею руководили, ее усмиряли. Что касается индивидуализма, никогда еще в истории человечества он не имел меньше шансов чем теперь, на свое выявление и утверждение в нормальном и здоровом виде. Оригинальный и честный воспитатель, артист или писатель, с ярко выраженной индивидуальностью, независимый научный деятель или исследователь, не поклоняющийся принятым авторитетам, и реформатор, не желающий итти на компромиссы, ежедневно принуждены отступать на задний план перед людьми, знание и творческая способность которых пришли уже в упадок.

Воспитателей типа Феррера не терпят нигде в то время, как люди, жующие давно пережеванную жвачку, вроде профессоров Эллиота и Бутлера, являются успешными продолжателями века глупых ничтожеств. В литературе и драме имена Хэмфри Уордс и Кляйда Фитча боготворятся массой в то время, как немногие знают и ценят красоту и гений Эмерсона, Торо, Уитмэна, Ибсена,

Гаутпмана, Бэтлер Иэтса или Стиведа Филлипса. Они, как одинокие звери, находятся долеко за горизонтом и неизвестны большинству.

Издатели театральные антрепренеры и критики не интересуются действительно художественными качествами творческого искусства, а спрашивают лишь, принесет ли данное произведение барыш, и понравится ли оно толпе? Увы, это плохой критерий; толпе нравится только то, что не требует умственного напряжения. В результате, на литературном рынке появляются главным образом лишь посредственные, ординарные, мещанские произведения.

Должна ли я сказать, что те же печальные выводы относятся и к изобразительным искусствам? Нужно только пройти по нашим паркам и улицам, чтоб убедиться в вульгарности и отвратительном безобразии нашего искусства. Только большинство могло допустить такие оскорбительные для истинного искусства произведения. Ложные в своей компановке и варварские по исполнению, статуи, наполняющие американские города, имеют такое же отношение к истинному искусству, как языческие идолы к статуям Микель Анджело. И только такое искусство имеет успех. Истинный артистический гений, который не подделывается под принятые взгляды, который творит оригинально и хочет быть верным жизни, влачит неизвестное и жалкое существование. Его работа может однажды стать предметом поклонения толпы, но не раньше, чем его истощенное сердце перестанет посылать кровь в жилы, когда в нем умрет искатель

новых путей, и когда толпа безидейных и ограниченных людей убьет наследство великого мастера.

Сказано, что артист ныне не может творить, потому что он, как Прометей, прикован к скале экономической необходимости. Однако, это относится к искусству всех времен и эпох. Микель Анджело зависел от своего святейшего патрона не меньше, чем теперешний скульптор или художник, при чем знатоки искусства тех времен были головой выше нашей глупой толпы. Они считали за честь, когда им разрешалось помолиться у гробницы маэстро.

Покровитель искусства нашего времени знает только один критерий, одну ценность — доллар. Его не интересует художественная сторона произведения, а лишь количество долларов, которое придется платить. Так, в пьесе Мирбо: „Les affaires sont les affaires“ один финансист говорит, указывая на какую-то мазню в красках: „Посмотрите, какое великое произведение; оно стоит 50.000 франков“. Точно также рассуждают наши разбогатевшие буржуа. Баснословные цифры, уплаченные ими за их великие произведения и открытия, искупают бедность их вкуса.

Самым непростительным грехом в нашем обществе считают независимость мысли. То, что об этом грехе так много говорят в стране, символом которой считается демократия, весьма многозначительно указывает на огромную силу большинства.

Венделл Филлипс сказал 50 лет тому назад: „В нашей стране абсолютного демократического равенства общественное мнение не

только всемогуще, но и всезнающе. Нет никакого убежища от его тирании, некуда спрятаться от его влияния и в результате, если вы возмете фонарь и начнете искать, среди сотни людей вы не найдете ни одного американца, который не был бы убежден, что он может что нибудь выиграть или проиграть в его самолюбии, в его общественной жизни или деле от того или иного мнения о нем его соседей и от их голосования. Следствием этого является то, что вместо того, чтобы быть коллективом индивидуумов, из которых каждый без всякого страха и опасения высказывает свои мысли, мы как нация по сравнению с другими народами, являемся нацией трусов. Мы более, чем какой-либо другой народ, боимся друг друга".

Очевидно, что со времени Венделля Филлипса мы не подвинулись вперед и мало ушли от этих условий. Теперь, как и тогда, общественное мнение есть вездесущий тиран; теперь, как и тогда, большинство представляет собой массу трусов, которые готовы принять всякого наглеца, хотя бы он не скрывал своей духовной бедности и скудости. Этим об'ясняется такой небывалый рост популярности человека вроде Рузвельта. Он воплощает в себе наихудшие элементы психологии толпы. Как политик, он знает, что большинство мало интересуется идеалами или целостностью личности. Оно жаждет всякого рода зрелищ, хотя бы это была собачья выставка, или состязание борцов, или линчевание негра, или преследование и арест мелкого воришки, или свадьба богатой наследницы или акробатические выходки и речи бывшего президента.

Чем отвратительней выходка, тем больший восторг и аплодисменты толпы она вызывает. Поэтому бедный идеями и вульгарный своей душой Рузвельт продолжает быть героем дня.

С другой стороны люди, возвышающиеся над уровнем этих политических пигмеев, люди утонченной культуры и способностей, подвергаются насмешкам и должны молчать. Нелепо говорить, что наше время есть эра индивидуализма. Наше время есть просто яркое повторение всемирноисторического явления: каждое усилие в направлении прогресса, каждый шаг вперед в просвещении, в науке, в религиозной, политической и экономической свободе делается меньшинством, а не массой. Сегодня, как и всегда, немногие отдельные люди не понимаются, разыскиваются полицией, арестовываются, подвергаются пытке и убиваются.

Принцип братства, возвещенный агитатором из Назарета, заключал в себе жизненное зерно истины и справедливости, пока он оставался маяком света для немногих. Но с того момента, когда большинство ухватилось за него, великий принцип сделался ничего незначущим ярлыком и предвестником крови и огня, несущим в себе страдание и несчастие. Аттака на всемогущество Рима, руководимая такими колоссами, как Гусс, Кальвин и Лютер, была первым солнечным лучем среди ночной темноты. Но как только Лютер и Кальвин обратились в политиков и начали подделываться к маленьким князькам, дворянству, и к духу толпы, так сейчас же они подвергли опасности все великие возможно-

сти Реформации. Они добились успеха у большинства, но это большинство оказалось не менее жестоко и кровожадно в преследовании мысли и разума, чем католики. Горе еретикам и меньшинству, которое не преклонится перед их предписаниями. После безконечных усилий, терпения и жертв человеческий ум, наконец, свободен от религиозных миражей. Меньшинство добивается теперь новых завоеваний, новых достижений, а большинство толчется сзади, без всякого движения, ибо оно связано по рукам и ногам старыми истинами, которые уже превратились в ложь.

Политически человечество пребывало бы до сих пор в рабстве, если бы не Джоны Боллы, Уоты Тайлёры, Вильгельмы Телли и другие бесчисленные борцы—гиганты, которые сражались шаг за шагом против власти королей и тиранов. Если бы не отдельные борцы, то мир не был бы потрясен до самого основания огромной волной французской революции. Великим событиям обыкновенно предшествуют мелкие по внешности инциденты. Так красноречие и огонь Камилла Дэмулена прозвучали, как иерихонская труба, разрушая до самого основания Бастиллию, символ пытки, оскорблений и ужасов.

Всегда и во все времена знаменосцами великой идеи и освободительных усилий, были немногие храбрецы, но не толпа, которая всегда была мертвым балластом, мешающим движению вперед. Эта истина доказана в России яснее, чсм где бы то ни было. Тысячи жизней принесены в жертву кровавому царскому режиму, но чудовище на троне все еще

не насытилось. Как это возможно, чтобы в стране, где существует высокоидейная, культурная интеллигенция, искусство и литература, лучшие элементы стонали под железным игом самодержавия? Большинство—вот, об‘яснение; эта сплоченная, неподвижная, сонная масса русских крестьян, которые все еще верят, что веревка, на которой вешают „белоручек“, приносит счастье.

В истории американской борьбы за свободу большинство было неменьшим препятствием к прогрессу. До сих пор идеи Джефферсона, Патрика Генри, Томаса Пэйна не признаются их потомками, ибо масса не желает их знать. Величие и мужество, боготворимое в Линкольне, было подготовлено его предшественниками, но это забывается. Негритянский вопрос был выдвинут еще деятелями из Бостона, каковы были Ллойд Гаррисон, Венделль Филлипс, Торо, Маргарет Фуллер и Теодор Паркер, во главе которых по своему мужеству и твердости стоял мрачный гигант, Джон Браун. Именно их неустанные усилия, красноречие и упорство подорвали могущество южно-американских рабовладельцев. Линкольн и его сторонники пришли уже, когда вопрос об отмене рабства стал практической задачей дня, признанной всеми.

Около 50 лет тому назад на политическом горизонте мира сверкнула метеором ослепительная идея социализма,—она была столь многообещающа, столь революционна и всеоб‘емлюща, что страх закрался в сердца всех тиранов. С другой стороны для многих миллионов эта идея была вестником радости, счастья и надежды. Пионеры знали о трудно-

стях на их пути, знали о сопротивлении, преследованиях и лишениях, которые они должны вынести, но гордо и бесстрашно они выступили вперед. Теперь эта идея стала обычным избитым лозунгом. Почти каждый человек ныне социалист: богач так же, как его бедная жертва; защитники закона и власти так же, как и их несчастные нарушители; вольнодумец так же, как и ханжа, упорно держащийся религии; модно наряженная дама так же, как и бедно одетая девица. Почему же нет? Ведь эта истина, появившаяся 50 лет тому назад, стала теперь ложью, когда ее окарнали со всех сторон, обрезали, отняли у ней юношеское вдохновение, лишили ее силы и революционного идеала. Почему же нет? Теперь это уже не прекрасная мечта, а „практически осуществимая схема", основывающаяся на воле большинства. Почему же нет? Политический интриган всегда возносит фимиамы большинству,—бедное, обманутое, одураченное большинство, если бы только оно последовало за нами!

Кто не слышал эту песню? Кто не знает, как ее неустанно напевают все политиканы? Что народ истекает кровью, что его грабят и эксплоатируют, я знаю так же хорошо, как и эти господа, ловящие голоса избирателей. Но я утверждаю, что не кучка паразитов, а сами массы ответственны за это ужасное состояние вещей. Большинство раболепствует перед своими господами, обожает кнут и готово первое кричать: „распни его", как только кто нибудь возвышает голос против святости капиталистической власти или другого отжившего учреждения. И неизвестно еще как долго

просуществовала бы власть и частная собственность, если бы не готовность народных масс служить солдатами, полицейскими, тюремщиками и палачами. Социалистические демагоги знают это так же хорошо, как и я, но они поддерживают миф о достоинствах большинства, потому что их программа также стоит за продолжение власти. А как можно добиться власти без большинства? Власть, принуждение, подчинение основывается на большинстве, но свобода или свободное развитие человека или создание свободного общества от большинства не зависят.

Я отрицаю большинство, как творческую силу, не потому, что я не сочувствую всем притесненным и обездоленным, и не потому, что не знаю ужасные, позорные условия, в которых живут народные массы. Вовсе нет и нет! Но я отрицаю большинство потому, что я знаю слишком хорошо, что массы никогда не стояли за справедливость и за равенство. Большинство всегда подавляло человеческий голос, подчиняло человеческий дух, и заковывало в оковы человеческое тело. Его целью всегда было сделать жизнь однообразной, серой, монотонной, как пустыня. Как большинство, оно всегда уничтожало индивидуальность, свободную инициативу и оригинальность. Поэтому я верю вместе с Эмерсоном, что „массы—грубы, убоги; их влияние, их требования вредны; им нельзя льстить, их нужно только учить и учить. Я не желаю делать им никаких уступок, их следует тренировать, разделить, разбить и вырвать из них отдельные личности! Массы! Массы—это бедствие. Я не хочу никаких масс, и же-

лаю иметь дело только с отдельными честными людьмн и вежливыми, милыми женщинами“.

Другими словами, всякая живая правильная мысль об общественном и экономическом процветании может стать реальностью только благодаря энергии, мужеству и твердой решимости интеллигентного меньшинства, но ни в коем случае не благодаря большинству.

Психология политического насилия.

Анализировать психологию политического насилия (убийства или покушения) не только чрезвычайно трудно, но и очень опасно. Если к таким актам относиться со вниманием, то тебя сейчас же обвинят в восхвалении политического убийства. Если, с другой стороны, выражаешь симпатию к самому виновнику политического преступления, то рискуешь быть заподозренным в соучастии. Однако, только понимание и симпатия могут поставить нас лицом к лицу с самим источником человеческих страданий и указать на выход из положения.

Примитивный человек не имел понятия о силах природы, боялся их и прятался от опасностей, когда они ему угрожали. Когда человек научился понимать явления природы, он уразумел, что, хотя они могут убить и причинить много вреда, но в то же время они могут принести и облегчение. Для человека, занимающегося данным вопросом, должно быть ясно, что накопляющиеся в нашей общественной и экономической жизни силы, прорывающиеся в акте политического насилия, подобны накопляющимся силам в нашей атмосфере, которые проявляются в буре и молнии.

Чтобы понять вполне правильность этого

взгляда, необходимо глубоко сознавать несправедливость наших общественных зол, и чувствовать горе, отчаянье и страдания, которые претерпевают ежедневно миллионы народа. Вообще, если мы не являемся частицей человечества, мы не можем даже в слабой степени представить себе справедливое негодование, накипающее в человеческой душе, бурную охватывающую страсть, которая затем неизбежно разражается вспышкой.

Невежественные массы смотрят на человека, яростно протестующего против нашего социального и экономического неравенства, как на дикого зверя, как на жестокое бессердечное чудовище, для которого высшая радость состоит в том, чтобы убить человека и выкупаться в крови; или же на него смотрят как на безответственного сумасшедшего. Однако это совершенно не верно. Ибо те, кто интересовался характером и личностью этих людей, или приходил в контакт с ними, согласны, что именно их чрезмерно развитая чувствительность и отзывчивость на все несправедливости и недостатки нашей жизни заставляет их платить дань нашим социальным преступлениям. Самые известные писатели и поэты, говоря о психологии политических преступников, всегда оказывали им величайшее уважение. Может ли кто вообразить, что они сами стоят за политические убийства и советуют совершать их? Конечно, нет. Они относились к этому, как к предмету изучения, как люди, которые знают, что за каждым политическим преступлением есть какая нибудь важная причина.

Бьернстерне Бьернсон во второй части

своей пьесы: „Свыше человеческих сил“ указал, что именно среди анархистов мы должны искать современных мучеников, которые платят за свои убеждения кровью, которые приветствуют смерть улыбкой, так как верят, как верил Христос, что их мученичество искупит человечество.

Французский писатель, Франсуа Коппэ говорит о психологии политического преступника следующее:

—„Чтение описания казни Вальяна заставило меня задуматься. Я представлял себе, как он расправлял свою грудь под веревками, как он шел твердым шагом, напрягал свою волю и собирал свою энергию и с глазами, устремленными на гильотину, бросил свое последнее проклятие обществу. Однако, против моей воли другое зрелище встало внезапно перед моими глазами. Я видел толпу мужчин и женщин, робко жмущихся друг к другу посреди арены цирка под взором тысячи глаз, в то время, как со всех ступень громадного амфитеатра несется ужасный вопль: „отдать их львам на с‘едение!“, а внизу арены уже растворяются клетки зверей...“

„Я не думал что Вальян будет казнен. Прежде всего ни одна жертва преступления убита не была, а у нас давно образовалась традиция не наказывать виновников неудавшегося покушения высшей формой наказания. Затем это преступление, как бы отвратительно оно не было, не преследовало никаких выгод и совершено ради отвлеченной идеи. Прошлое преступника, его заброшенность в детстве, полная лишений жизнь говорили в его пользу. В независимой прессе громко раздавались мно-

гочисленные голоса в его пользу. Кто-то с презрением сказал: „чисто литературное течение!“. *Однако, люди искусства и мысли считают честью выразить лишний раз свое отвращение к эшафоту.*

Зола также в своих романах: „Жерминаль“ и „Париж“ описывает нежность и мягкость, глубокую симпатию к человеческим страданиям у этих людей, которые кончают свою жизнь отчаянным преступлением против всей нашей системы.

Наконец, лучше всех, может быть, понимает психологию политического преступника М. Амон, автор блестящего труда: „Психология профессионального военного“, который пришел к следующим выводам.

—„Позитивный метод, подтверждаемый рациональным методом, дает нам возможность установить идейный тип анархиста, духовная физиономия которого является собранием обычно распространенных психологических особенностей. Каждый анархист заимствует от этого идеального типа достаточно черт, чтобы отличить его от других людей. Итак типичный анархист может быть охарактеризован следующим образом: человек, одержимый мятежным духом в одной из 4 его форм: сопротивление, исследование, критика и новаторство; к этому нужно еще прибавить сильную любовь к свободе, и большую любознательность. Эти черты дополняются также пылкой любовью к ближним, высоко развитой моральной чувствительностью, глубоким сознанием справедливости, соединенным с миссионерским пылом“.

К этой характеристике, как говорит в своей

работе: „Париж и социальная революция“ Альвин Ф. Санборн, должны быть прибавлены еще следующие ценные качества. Редкая любовь к животным, необычайная мягкость во всех обычных житейских отношениях, исключительная трезвость и чистота поведения, бережливость и аккуратность, аскетизм в личной жизни и выдающееся мужество.

—„Есть одна обще-известная истина, которую однако люди обыкновенно всегда забывают, когда они бранят анархистов или какую-нибудь другую партию, которая в данный момент возбуждает их ненависть, как виновница какого-нибудь только что совершенного преступления. Это неоспоримый факт, что политические убийства всегда с самых незапамятных времен являлись ответом со стороны раздраженных и впавших в отчаянье классов и раздраженных и доведенных до отчаянья людей,—ответом на несправедливости от их сограждан, которые они сочли невыносимыми для себя. Таким образом, эти акты суть далеко не насилие, а последнее отчаянное средство борьбы оскорбленных и униженных людей за право дышать на свете. Их поступок не есть результат особых убеждений, об‘яснение его нужно искать в глубине самой человеческой природы. Вся политическая и социальная история является доказательством этого. Чтобы не ходить далеко, возьмем три наиболее известных примера политических партий, принужденных прибегнуть к насилию за последние 50 лет: мадзинианцы в Италии, синфейнеры в Ирландии и террористы в России. Разве они анархисты? Ничего подобного. Имеют ли они все одинаковые полити-

ческие убеждения? Также нет. Мадзинианцы были республиканцы, синфейнеры-сепаратисты русские социал-демократы или конституционалисты. Но все они были заставлены силой ужасных обстоятельств начать террористическую борьбу. Когда от партий мы переходим к отдельным личностям, действующим таким же образом, то нас поражает количество людей, которые с отчаянья бросились на путь, очевидно противный их общественным инстинктам".

„Теперь, когда анархизм сделался новой двигающей силой в обществе, террористические действия иногда совершались анархистами, а иногда людьми других убеждений. Ибо как бы человечно и мирно не было новое учение, его первое появление на земле всегда приносит не мир, а меч, и не потому, что оно заключает в себе что-либо насильственное и противо-общественное, а только потому что каждая новая творческая идея возбуждает брожение в умах людей независимо от того, принимают ли они ее или отвергают. Идея анархизма, который с одной стороны угрожает всем существующим интересам, а с другой рисует идеал свободной и благородной жизни, которую нужно еще выиграть в борьбе против теперешних зол, должен, конечно, вызвать самое яростное сопротивление приверженцев старины, которые употребляют всю свою силу, все средства против нового бурного движения".

„Когда человек живет в ужасных условиях всякая перспектива возможности улучшения их делает для него нынешнюю жизнь еще более невыносимой и заставляет его решиться

на самые отчаянные средства, чтобы только улучшить свою судьбу; если же это не удается и приводит к ухудшению его положения, то он впадает в полное отчаянье. В нашем обществе, например, если рабочий, живущий заработной платой, начинает понимать, какова могла и должна быть его жизнь и работа, то его теперешняя работа и нищета становится для него невыносимой. И даже если он мужественно решается продолжать работать и ждать, когда новые идеи проникнут в общество и проложат дорогу к светлому будущему, то уже один тот факт, что он имеет такие идеи и старается распространять их, приводит его к столкновению с его хозяевами. Сколько тысяч социалистов и особенно анархистов потеряли работу из-за того лишь, что они имеют свои политические убеждения. Только особо квалифицированные и талантливые рабочие могут надеяться на получение работы, несмотря на, что они пропагандисты. Можно себе представить, что происходит с человеком, голова которого полна новых идей, который мечтает о заре нового будущего для рабочих, и который знает, что страдание его и его товарищей по несчастью не есть простая случайность, а результат несправедливости других людей,—что должен он чувствовать, когда не только он сам голоден, но и дорогая ему сердцу семья страдает? Некоторые люди в таком положении становятся способными на самые отчаянные поступки, хотя бы они вовсе не были настроены противообщественно; при этом они даже чувствуют, что совершают насилье не против общества, а ради общества, что, нанося удар, как и чем они могут, они

делают это не ради самих себя, а ради человека вообще, оскорбленного и униженного в их лице и в лице их сотоварищей. И можем ли мы, которое не переживаем этого ужасного положения, стоять равнодушно в стороне и осуждать этих жалких жертв отвратительного общественного строя?

Можем ли мы называть преступниками этих людей, которые действуют с героической преданностью, жертвуя своею жизнью в виде протеста против общественных зол там, где другие менее преданные долгу и энергичные люди смиряются и униженно пресмыкаются перед несправедливостью и злом? Неужели мы присоединимся к подлым и невежественным выкрикам о том, что эти люди—чудовища преступности, вносящие по своей воле без всякого к тому повода насилие и преступление в тихое невинное общество, где царствует мир и гармония. Нет! Мы ненавидим убийство такой ненависти, которая покажется абсурдной и преувеличенной тем, кто оправдывает убийства матабелов, примеряется с виселицами и бомбардировками, но мы не можем согласиться на то, чтобы в случаях политических убийств вся ответственность была возложена на лицо, совершившее его,—это было бы чудовищной несправедливостью. Вина этих убийц лежит на каждом мужчине и женщине, которые умышленно или вследствие холодного равнодушия помогают поддерживать социальные условия, доводящие человека до страданья. Человек, который вкладывает всю свою жизнь, рискуя ее потерять, в попытку протестовать против страданий своих ближних есть святой по сравнению с

активными и пассивными сторонниками, жестокостей и несправедливостей, хотя бы его протест повел к смерти других людей. Пусть тот, кто в обществе без греха, бросит в него первый камень".*)

Нас нисколько не удивляет, что каждый акт политического насилия приписывается теперь анархистам. Однако всем, кто знаком с анархическим движением, известно, что очень много актов, за которые анархисты должны были пострадать, или были созданы капиталистической прессой или спровоцированы, если не прямо совершены полицией.

Втечение многих лет в Испании совершались политические преступления, ответственность за которые возлагалась на анархистов, поэтому их ловили, как диких зверей, и бросали в темницы. Затем было раскрыто, что виновники этих преступлений были не анархисты, а члены департамента полиции. Скандал сделался настолько гласным, что консервативные испанские газеты потребовали предания суду и наказания начальника шайки Жуана Рулля, который был затем присужден к смерти и повешен. Сенсационные показания, сделанные на суде, заставили инспектора полиции Моменто оправдать совершенно анархистов и отрицать какую бы то ни было их связь с преступлениями за долгий период. Это повело к увольнению многих полицейских чиновников, среди которых был инспектор Трессольс, который в отместку раскрыл факт, что сзади полицейской шайки бомбометчиков

---

*) Из брошюры изданной Лондонской группой „Freedom".

были другие, занимавшие более высокие посты, которые снабжали их средствами и защищали их.

Это один из многих ярких примеров того, как создаются мнимые анархические конспиративные заговоры.

Неоднократно было доказано, что американская полиция может лгать на суде под присягой с такою же легкостью, что она столь же жестока, груба и хитра, как и ее европейские собратия. Стоит только вспомнить трагедию 11 Ноября 1887 года, известную более под именем „беспорядки в Хэймаркет".

Все, кто знает это дело, убеждены, что анархисты, убитые по суду в Чикаго, умерли жертвами лживой и кровожадной прессы и заговора жестокой полиции. Судья Гари сам сказал: „Вы привлекаетесь к суду не потому, что именно вы бросили бомбу в Хеймаркет, но потому что вы анархисты".

Беспристрастный и детальный анализ губернатором Ольтгельдом этого пятна на американской юстиции только подтверждает грубое откровенное заявление судьи Гари. Это заставило Ольтгельда помиловать трех анархистов, чем он заслужил навсегда уважение всех свободолюбивых граждан в мире.

Когда мы приближаемся к трагедии 6 Сентября 1911 года, мы сталкиваемся с одним им самых поразительных примеров того, как мало социальные теории ответственны за акт политического насилия. „Леон Жолгож, анархист, был подстрекаем Эммой Гольдман к совершению акта". Конечно, разве она не подстрекала к насилию еще до своего рождения и разве она не будет продолжать это

делать после своей смерти? У этих анархистов все возможно!

Теперь, 9 лет спустя после этой трагедии, после чего было сто раз доказано, что Эмма Гольдман не имела ничего общего с этим делом, и что нет никаких доказательств того, чтобы Жолгож когда-либо называл себя анархистом, ясно, что перед нами опять та же ложь, сфабрикованная полицией и раздутая прессой. Ни одна живая душа не слыхала, чтобы Жолгож сделал такое заявление, и нет ни одного документа, подтверждающего обвинение. Все сводится к невежеству и истерии, которые никогда и нигде не могли разрешить ни одного самого простого дела.

Президент свободной Республики убит! Каково же может быть об'яснение этого события кроме того, что или преступник сумасшедший, или его подстрекнули на убийство.

Свободная республика! Как этот мир может еще держаться, как он может обманывать и дурачить даже сравнительно интеллигентных людей, не уясняющих себе чудовищной абсурдности этого названия! Свободная Республика! Однако, втечение последних 30 лет небольшая кучка паразитов сумела ограбить американский народ и топтать ногами основные принципы, заложенные основателями Америки, которые обещали каждому мужчине, женщине и ребенку, „жизнь, свободу и счастье". Втечение 30 лет они увеличивали свое богатство и власть за счет громадной массы рабочих, увеличивая в то же время армию безработных, голодных, бездомных людей, не имеющих друзей, которые бродили по всей стране с востока на запад и с севера на юг,

напрасно ища работы. Втечение многих лет дома их были оставлены на попечение маленьких детей, пока родители выбивались из сил, работая и получая жалкую милостыню. Втечение 30 лет молодые, крепкие сыны Америки приносились в жертву на поля битвы индустриальной войны, а дочери оскорблялись в развращенной фабричной атмосфере. Втечение долгих лет продолжался этот процесс, подрывавший здоровье, силу и гордость нации. Обезумев от успеха и сознания победы, денежные короли нашей „свободной страны" сделались еще более смелыми и дерзкими в их жестоких безсердечных стараниях конкурировать из-за верховенства с прогнившими и разложившимися тиранниями в Европе. Напрасно лживая уличная пресса называла Леона Жолгожа иностранцем. Юноша был чистейшим продуктом американской почвы. Кто может сказать, сколько раз он участвовал в праздновании праздника 4-го Июля или „дня украшений", когда чествуются умершие за нацию герои? Кто знает, что он также хотел „сражаться за свою страну и умереть за свободу", пока его не осенила мысль, что рабочие к которым он принадлежал, не имели родины, ибо у них было отнято все, что они производили; пока он не понял, что свобода и независимость, игравшие такую роль в его юношеских мечтах, есть ничто иное, как пустой фарс и издевательство. Бедный Леон Жолгож! Твое преступление состоит в том, что ты слишком чувствовал общественную совесть; ты не походил на твоих безидейных и безмозглых американских братьев; твои идеалы возвышались далеко над интересами

желудка и кармана. Не удивительно, что Жолгож произвел совершенно особое впечатление на одну корреспондентку, бывшую на его процессе среди других озлобленных против него журналистов,—он показался ей идеалистом, мечтателем, совсем забывшим об окружающей его обстановке. Его большие мечтательные глаза видели в это время перед собой новую светлую зарю будущего.

Теперь обратимся к недавнему примеру сфабрикованного полицией анархического заговора. В Чикаго один молодой человек по имени Авербух покушался на жизнь начальника полиции Шиппи. Немедленно было разослано сообщение во все концы света, что Авербух был анархист, и что на анархистах лежит ответственность за этот акт. Каждый, про кого только было известно, что он придерживается анархических взглядов, подвергся усиленному надзору; многие были арестованы, библиотека анархической группы конфискована, и митинги стали невозможны. Само собой разумеется, что, как и во всех предыдущих случаях я должна была считаться ответственной за случившееся. Очевидно американская полиция считает меня обладающей оккультными силами. Я не знала Авербуха, никогда раньше не слыхала его имени, и, если я вела с ним „конспирацию", то очевидно только в виде астрального тела. Но полиции не нужна ни логика, ни справедливость. Они ищут только мишень, чтобы замаскировать свое полное незнание дела и психологии политического акта. Был ли Авербух анархистом? Доказательств этого нет. Он был в Америке всего три месяца, не знал языка, насколько

я могла удостовериться, не был совершенно известен анархистам Чикаго.

Что привело его к преступлению? Авербух, как и большинство молодых русских эмигрантов, без сомнения верил в мифическую свободу Америки. Он получил свое первое крещение, когда полицейский избил его палкой в момент, когда полиция грубо рассеивала толпу на демонстрации безработных. Дальше он испытал на себе, что такое американское равенство и свобода во время напрасных поисков работы. Коротко говоря, три месяца пребывания в этой чудесной стране поставили его лицом к лицу перед неоспоримым фактом, что обездоленные в Америке находятся в том же ужасном положении, как и везде на свете. В своей родной стране он вероятно узнал, что необходимость не знает законов,— не было никакой разницы между русским полицейским и американским.

Для человека, изучающего социальные науки, вопрос не в том, практичны ли действия Жолгожа и Авербуха или нет, как нельзя обсуждать, практична ли гроза или нет. Каждый думающий и чувствующий человек неизбежно понял бы, что один вид грубой полицейской расправы над невинными жертвами в так называемой „свободной республике“ и унизительная борьба за кусок хлеба дали ту искру, которая воспламенила накопившиеся горючие материалы в переутомленной исстрадавшейся душе Жолгожа и Авербуха. Никакое преследование, сажание в тюрьму или другое наказание не могли уже остановить эту вспышку.

Часто задают вопрос, а разве настоящие

убежденные анархисты не совершали политических убийств? Конечно, совершали, но они были всегда готовы взять на себя всю ответственность за свои действия. Я утверждаю, что они были побуждаемы к этому не учением анархизма, как таковым, но давлением обстоятельств, которое делало жизнь невыносимой для чувствительных натур. Очевидно, что анархизм как и всякая другая социальная теория, превращая человека в сознательную общественную единицу, действует на него, как революционные дрожжи. Это не только мое утверждение, но факт, проверенный на опыте. Более подробное рассмотрение всех деталей вопроса в дальнейшем выяснит еще более мою точку зрения.

Теперь мы обратимся к рассмотрению важнейших анархических актов в течение последних 20 лет. Читателям может быть покажется странным, что одно из самых значительных деяний политического насилия произошло именно в Америке в связи с стачкой в Хомстэде в 1892 г.

В это время Стальная Компания Карнеджи задумала раздавить Ассоциацию железо-и сталелитейных рабочих. Директор Компании Генри Клэй Фрик получил инструкции выполнить эту благородную задачу. Он не терял времени и сразу же приступил к проведению политики уничтожения рабочего союза, в чем он с успехом практиковался уже раньше, наводя террор во время своего управления угольными копями. Под шумок переговоров с рабочими, которые он намеренно затягивал, он сделал необходимые военные приготовления,—укрепление фабрики, возведение высокого дере-

вянного забора с гвоздями наверху и отверствиями для ружейных стволов. Затем среди глухой ночи он ввел туда армию пинкертоновских молодцов, что повело к ужасной бойне. Недовольный смертью 11 жертв, убитых во вреля стычки, Фрик, как добрый христианин и свободный американец, начал кампанию против беззащитных вдов и сирот расстрелянных рабочих, приказав немедленно выбросить их вон на улицу из жалких помещений, которые давала им компания.

Вся Америка была вѐволнована этими бесчеловечными насилиями. Сотни голосов раздались, протестуя и призывая Фрика прекратить его политику и не заходить слишком далеко. Но эти сотни людей протествовали лишь на словах, небрежно, как отмахиваются от назойливых мух. Нашелся только один человек, который активно ответил на преступления Фрика,—это был Александр Беркман. Да, он был анархист. Он гордился этим, потому что это была единственная сила, дававшая ему душевное спокойствие. Однако не анархизм, как таковой, а зверское убийство 11 рабочих заставило Беркмана сделать покушение на жизнь Фрика.

История политических убийств и покушений в Европе дает нам много ярких примеров влияния окружающей обстановки на восприимчивого человека.

Речь в суде Вальяна, который в 1894 году бросил бомбу в Палате Депутатов, дает ясное представление о психологии таких актов.

„Господа присяжные заседатели“, сказал он, „через несколько минут вы должны будете нанести мне ваш удар, но, принимая ваш

вердикт, я по крайней мере буду иметь удовлетворение, что я ранил нынешнее общество,— это проклятое общество, в котором можно часто видеть, как один человек, безпечно тратит деньги, на которые можно прокормить тысячи голодных семей; бесстыдное общество, которое позволяет немногим отдельным лицам монополизировать в своих интересах все общественное богатство в то время, как есть сотни тысяч несчастных бедняков, не имеющих даже куска хлеба, который бросают собакам, и в то время, как целые семьи совершают самоубийства, потому что у них нет чамого необходимого для жизни.

„Да, господа, если бы только правящие классы могли спуститься вниз к этим несчастным! Но нет, они предпочитают оставаться глухими к их мольбам. Очевидно сама судьба неудержимо влечет их, как королевскую власть в XVIII веке, в пропасть, которая поглотит их, ибо горе тем, кто, считая себя высшими существами, присваивают себе право эксплоатировать тех, кто ниже их! Наступает момент, когда народ больше не рассуждает, а поднимается, как ураган, и сметает перед собой все, как вихрь. Тогда мы видим окровавленные головы, надетые на пики.

Среди эксплоатируемых, господа присяжные, есть два рода людей. Одни, которые не понимают, что они представляют собой, и чем вообще они могут быть, которые полагают, что они рождены быть рабочими и довольствуются тем немногим, что им дается в награду за их труд. Но есть другие, которые наоборот думают, изучают и видят социальное неравенство. Виноваты ли они, что ясно

видят и страдают от вида страданий других? Они бросаются с головой в борьбу и являются глашатаями народных требований.

„Господа присяжные, я принадлежу ко второму разряду. Куда бы я неехал, где бы я не был, везде я встречал несчастных, согбенных под игом капитала. Везде я видел те же раны, вызывавшие у меня кровавые слезы, даже в отдаленнейших уголках Южной Африки, где я имел право думать, что человек, уставший от болезней цивилизации, может отдухнуть под тенью пальм и обратиться к изучению природы. Но даже и там и более, чем где бы то ни было, я видел, что капитал, как вампир, высасывал кровь из несчастных рабов.

„Затем я приехал назад во Францию, где мне было суждено видеть, как ужасно страдала моя семья. Это было последней каплей, переполнявшей чашу. Уставши вести такую горькую и подлую жизнь, я бросил бомбу в тех, кто был в первую голову ответственен за социальные бедствия.

„Меня упрекают, что многие были ранены этой бомбой. Позвольте мне указать, между прочим, что, если бы буржуа не убивали и не громили во время Революции, то весьма вероятно они до сих пор пребывали бы под игом дворянства. С другой стороны, представьте себе всех убитых и раненых в Тонкине, Мадагаскаре и Дагомее, прибавьте сюда тысячи и миллионы несчастных, которые умирают на фабриках, в рудниках и везде, где чувствуется мельничный жернов капитала. Присоедините сюда еще тех, кто умирает от голода,—и все это с согласия наших депута-

тов. Как мало рядом с этим значат упреки, которые вы мне делаете.

„Совершенно верно, что нельзя убивать друг друга. Но разве мы не осуществляем наше право на самооборону, когда отвечаем на удары, получаемые нами сверху? Я хорошо знаю, что мне скажут, что я должен был ограничиться устными выступлениями в защиту прав народа. Но что же делать! Нужно иметь слишком громкий голос, чтобы мертвые вас услышали. Слишком долго они отвечали нам на наши требования тюрьмами, виселицами и ружейными залпами. Не делайте ошибки,— взрыв моей бомбы не есть лишь голос бунтаря Вальяна, но голос целого класса, который требует своих прав и скоро присоединит к своим словам действия. Будьте уверены, что господа депутаты напрасно проводят законы. Идеи мыслящих людей не останавливаются, как в прошлом столетии, все силы правительства не могли помешать Дидро и Вольтеру распространять свои идеи среди народа, точно также теперь все силы правительства не помешают Реклю, Дарвину, Спенсеру, Ибсену и Мирбо распространять их идеи справедливости и свободы, которые уничтожат предразсудки, держащие массы в невежестве. Эти идеи, дорогие для сердца несчастных, распустяться затем пышными цветами в бунтарских актах, как это уже случилось со мной, и это будет продолжаться до того времени, пока не наступит день, когда уничтожение власти позволит всем людям организоваться свободно по своему выбору, когда каждый человек будет в состоянии пользоваться плодами своих трудов, и когда все

нравственные болезни, называемые предразсудками, исчезнут, позволяя человеческим существам жить в полной гармонии, не имея никаких других желаний и интересов кроме изучения наук и любви к своим ближним.

„Я кончаю, господа присяжные заседатели, и говорю, что общество, в котором наблюдается такое социальное неравенство, как у нас, в котором мы каждый день видим самоубийства, вследствие нищеты и голода, и проституцию, процветающую на каждом углу, —общество, в котором главные здания—казармы и тюрьмы,—такое общество должно быть преобразовано как можно скорее, потому что иначе ему грозит в самом ближайшем будущем исчезновение с лица земли. Слава тому, кто работает какими бы то ни было средствими ради этой цели. Именно эта идея привела меня к единоборству с правительством, но так так в этом поединке я только ранил своего врага, то теперь он в свою очередь нанесет мне удар.

„Господа присяжные, мне совершенно все равно, к какому наказанию вы меня присудите, ибо, смотря на вас глазами разума, я не могу не улыбаться, видя, как вы, атомы, затерянные в материи, и мыслящие только потому что у вас есть удлинение спинного мозга, присваиваете себе право судить одного из ваших сограждан.

„Как мало значит ваше собрание и ваш приговор в истории человечества; и как мало история человечества значит в том вихре, который несется в безконечности, и которому суждено исчезнуть или по крайней мере подвергнуться преобразованию, чтобы начать

сызнова ту же историю и тот же процесс,— вечная игра космических сил, постоянно возрождающихся и преобразующихся“.

Кто посмеет сказать, что Вальян был невежественный, скверный человек или сумасшедший? Разве его ум не обладал поразительной ясностью и способностью анализировать? Не удивительно, что лучшие интеллигентные люди во Франции высказались в его пользу и послали петицию Президенту Карно, прося его смягчить смертный приговор Вальяна.

Карно не пожелал слышать никаких просьб и настаивал на более чем на фунте мяса; он требовал жизни Вальяна, и тогда—случилось неизбежное. Президент Карно был убит, а на ручке кинжала, который был употреблен для этого убийцей, было выгравировано многозначительное имя—Вальян!

Санто Казерио был анархист. Он мог бежать и спастись, но остался на месте и подвергся всем последствиям своего поступка.

Его основания для убийства были высказаны в такой простой, достойной, детской форме, что невольно вспоминается трогательный отзыв о Казерио его сельской учительницы Ады Негри, известной итальянской поэтессы, которая говорила о нем, как милом нежном растении с слишком тонкой чувствительной структурой, чтобы он мог вынести жестокое напряжение в этом мире.

„Господа присяжные заседатели“, сказал он, „я не имею в виду защищать себя, но хочу лишь об‘яснить мой поступок.

„С самой ранней юности я начал понимать, что настоящее общество плохо организовано,

так плохо, что ежедневно многие несчастные налагали на себя руки, оставляя жен и детей в самых ужасных обстоятельствах. Рабочие тысячами ищут работы и не могут найти. Бедные семьи просят милостыню и мерзнут от холода; они страдают ужасным образом, дети просят у своих несчастных матерей пищи, а матери не могут им дать, потому что у них ничего нет. То немногое, что было в доме, продано или заложено. Все, что они могут сделать, это пойти по улицам и просить подаяния, но их часто арестовывают, как бродяг.

„Я ушел из моего родного села, потому что я часто был доведен до слез, видя, как маленькие девочки 8 или 10 лет были принуждены работать по 15 часов в день за ничтожную плату в 20 сантимов. Молодые женщины 18 или 20 лет также работали по 15 часов в день за небольшую до смешного плату. И это случается не только с моими согражданами, но и со всеми рабочими, которые работают в поте лица весь день из-за корки хлеба, в то время, как они своим трудом создают большие богатства. Рабочие принуждены жить в самых ужасных условиях и их пища состоит из небольшого количества хлеба, нескольких ложек риса и воды; так что к 30 или 40-летнему возрасту они уже истощены и отправляются умирать в госпиталь. Кроме того вследствие дурной пищи и переутомления, эти несчастные создания умирают сотнями от проказы,—болезнь, которая в моей стране, по словам врачей, поражает тех, кто плохо питается и ведет жизнь, полную труда и лишений.

„Я понял, что очень многие голодают и много детей страдает от холода, в то время, как в городах есть в изобилии и хлеба, и платье. Я видел много больших магазинов, полных костюмами и шерстяными материями; я видел товарные склады, полные хлеба и индийского зерна, подходящего для тех, кто нуждался. С другой стороны я видел тысячи людей, которые не работают, ничего не производят и живут трудом других; которые тратят ежедневно тысячи франков на свои забавы и развлечения; которые развращают дочерей рабочих и имеют квартиры в 40 или 50 комнат, 20 или 30 домов, много слуг,— вообще пользуются всеми удовольствиями жизни.

Я верил в бога, но когда я увидел такое большое неравенство между людьми, я понял, что не бог создал человека, а человек создал бога. И я понял, что те, кто хотят, чтобы их собственность была цела, и заинтересованы в пропаганде рая и ада и в том, чтобы народ продолжал коснеть в невежестве.

„Недавно Вальян бросил бомбу в Палате Депутатов, чтобы протестовать против существующей системы общества. Он никого не убил, и только несколько человек были ранены. Однако буржуазная юстиция присудила его к смерти. Но не удовлетворившись осуждением виновного, буржуа начали преследовать анархистов и арестовывать не только тех, кто знал Вальяна, но даже тех, кто вообще присутствовал на любой анархистской лекции.

„Правительство не заботилось о их женах

детях, и не подумало о том, что страдают не только те, кто был посажен в тюрьму, но и их семьи, в которых маленькие дети просили хлеба. Буржуазная юстиция не считала нужным позаботиться об этих невинных созданиях, которые еще не знают, что такое общество. Не их вина, что их отцов посадили в тюрьму, они только хотят хлеба.

„Правительство продолжало обыскиватт частные дома, вскрывать частные письма, запрещать лекции и митинги и вообще начало против нас самые ужасные репрессии. Даже теперь сотни анархистов арестованы за то, что поместили статью в газете или выразили публично свое мнение.

„Господа присяжные заседатели! Вы — представители буржуазного общества: Если вы хотите моей головы, берите ее, но не воображайте, что этим вы остановите анархическую пропаганду. Берегитесь, ибо люди пожинают то, что они сеют“.

Во время религиозной процессии в Барселоне в 1896 году была брошена бомба. Сейчас же были арестованы 300 человек мужчин и женщин. Некоторые из них были анархисты, но большинство члены профессиональных союзов и социалисты. Всех их бросили в ужасную тюрьму Монтжуих и подвергли самым невероятным пыткам. После того, как многие из них были убиты или сошли с ума, дело их было поднято либеральною прессой в Европе, и в результате несколько человек были освобождены.

Человек, главным образом ответственный за это возрождение инквизиции, был премьер-министр Испании Кановас-дель-Кастильо. Это

он приказал пытать несчастных,—их тело жгли, кости раздавливали, языки им вырезывали и т. д. Кановас напрактиковался в этом жестоком искусстве еще во время своего управления на острове Кубе и оставался совершенно глух к просьбам и протестам пробудившегося сознания цивилизованного мира.

В 1897 году Кановас-дель-Кастильо был убит юным итальянцем Анджолильо. Он был редактором газеты на своей родине и его смелые статьи скоро привлекли внимание властей. Начались преследования, и Анджолильо бежал из Италии в Испанию, затем во Францию и Бельгию, и наконец, поселился в Англии. Здесь он нашел работу в качестве наборщика и сразу же сделался любимцем всех своих товарищей. Один из них так описывал Анджолильо:

„Его внешность скорее напоминала журналиста, чем наборщика. Его нежные руки показывали, что он не чернорабочий. С красивым открытым лицом, темными мягкими волосами, смелым выражением он имел вид типичного живого южанина. Анджолильо говорил по-итальянски, испански и французски; английского языка он не знал; мое скудное знание французского языка было недостаточно, чтобы вести продолжительный разговор. Однако Анджолильо скоро начал осваиваться с английским; он учился быстро, шутя и в скором времени стал очень популярен среди наборщиков. Его вежливые, хотя и простые манеры, его всегда внимательное отношение к товарищам сделали его всеобщим любимцем“.

Анджолильо скоро ознакомился с англий-

ской прессой. Он прочел о волне всеобщей симпатии к беспомощным жертвам Монтжуихской тюрьмы. На Трафальгарской площади он увидел своими глазами результаты ужасных пыток, когда несколько испанцев, избегнувших когтей Кановаса-дель-Кастильо, приехали в Англию искать себе убежище. Здесь на большом митинге они открыли свои рубашки и показали ужасные шрамы от поджигания. Анджолильо видел это, и полученное им впечатление превзошло всякие теории,—оно было сильнее слов, сильнее аргументов, сильнее его самого.

Синьор Антонио Кановас-дель-Кастильо, премьер-министр Испании, жил в Санта Агведа. Как всегда в таких случаях, ни один иностранец не допускался до его высокой особы. Однако было сделано одно исключение в пользу изящного, элегантно одетого итальянца, представителя, как полагали, одной важной газеты. Этот изящный господин был Анджолильо.

Сеньор Кановас, собираясь уходить из дома, вышел на веранду. Неожиданно Анджолильо появился перед ним. Грянул выстрел и Кановас лежал мертвый.

Жена премьер-министра прибежала на помощь. „Убийца, убийца!“ кричала она, показывая на Анджолильо. Он поклонился: „простите, мадам“, сказал он, „я уважаю вас, как женщину, но сожалею, что вы были женой этого человека“.

Анджолильо спокойно встретил смерть,—смерть в самой ужасной форме для человека, душа которого была еще душой ребенка.

Он был удавлен *). Его тело лежало под лучами солнца, пока не настал вечер. Приходили люди, указывали на него в страхе и ужасе пальцем и говорили: „смотри,—вон жестокий убийца“.

Как глупо и жестоко невежество! Оно никогда не понимает и всегда осуждает.

Замечательную параллель делу Анджолильо мы находим в акте Гаэтано Бресчи, убившего итальянского короля Умберто и сделавшего этим американский город Патерсон знаменитым.

Бресчи приехал в Америку, эту страну случая, где нужно только попробовать, чтобы иметь успех. Бресчи решил попробовать счастья,—он будет работать усердно и старательно. Работа ему не страшна, если только она гарантирует ему независимость и самоуважение.

Так, полный энтузиазма и надежд, он поселился в Патерсоне и там нашел работу за 6 долларов в неделю на одной из ткацко-прядильных фабрик. Шесть долларов, без сомнения, для Италии были состоянием, но этого недостаточно, чтобы иметь возможность вздохнуть в Америке. Бресчи любил сидеть у себя дома в своей маленькой квартирке. Он был хорошим мужем и преданным отцом,—у него была маленькая девочка Бланка, которую он обожал. Он работал и работал втечение нескольких лет. Из шести долларов в неделю он ухитрился сложить и сберечь 100 долларов.

У Бресчи были идеалы и убеждения. Из-

*) Особым железным ошейником.

вестно, что для рабочего глупо иметь идеалы. В Патерсоне издавалась анархическая газетка: „La Question Sociale“ (Социальный Вопрос).

Каждую неделю, хотя усталый от работы, Бресчи приходил помогать в работе над газетой. Он засиживался над этим до поздних часов. Когда газета истратила все свои деньги, и товарищи были в отчаянии, Бресчи принес свои 100 долларов, все сбереженья за целый год. Это должно было помочь газете продержаться.

На его родине люди голодали. Урожай был плохой, и перед крестьянами встал призрак голода. Они обратились к своему доброму королю Умберто,—он поможет. И он помог! Жены крестьян, которые пошли к дворцу короля, в немом молчанье прижимали к себе детей. Наверно это тронет его. Но вместо того, солдаты начали стрелять и убили этих несчастных.

Бресчи, работая на фабрике в Патерсоне, прочел об этом ужасном побоище. Перед его умственным взором носилась картина беззащитных женщин и невинных детей, расстрелянных перед добрым королем. Его душа застыла в ужасе. Ночью ему слышались стоны раненых. Некоторые из них были может быть его товарищи, его родные. Зачем, зачем такое подлое убийство?

Небольшое собрание итальянской анархической группы в Патерсоне кончилось почти дракой. Бресчи потребовал назад свои 100 долларов. Товарищи просили его, умоляли дать им на это время. Ведь газета погибнет, если они вернут ему деньги. Бресчи не желал ни-

чего слышать и настаивал на возвращении денег.

Как жестоко и глупо непонимание! Бресчи получил деньги, но потерял доброе отношение и доверие своих товарищей. Они не желали иметь ничего общего с человеком, у которого жадность выше идеалов.

29 июля 1900 года Король Умберто был убит в Монцо. Молодой итальянский ткач из Патерсона Гаэтано Бресчи убил доброго короля.

Патерсон был отдан под надзор полиции; каждого, кто был известен, как анархист, выслеживали и преследовали; деяние Бресчи было приписано анархической пропаганде. Как будто анархическое учение в самой крайней форме может сравняться по своей силе с убитыми женщинаии и детьми, которые пошли просить короля о помощи. Как будто любое сказанное слово, как бы оно красноречиво ни было, может зажечь человеческую душу таким сильным огнем, как кровь, которая капля по капле текла из этих умирающих тел. Обыкновенного человека трудно взволновать словом или делом, но те люди, для которых общественный долг есть величайшая живая сила, не нуждаются в мольбах о помощи против ужасов и зол нашего общества.

Если социальная теория есть сильный фактор, побуждающий людей к актам политического насилия, то как мы можем об'яснить последние отчаянные вспышки в Индии, где анархизм едва появился на свет. Учение индусов более, чем какая либо другая философия, ставит выше всего пассивное

сопротивление, движение по течению и нирвану, как высочайший духовный идеал. Однако общественное возмущение в Индии растет ежедневно и недавно вылилось в форму политического насилия,—убит Сэр Кэрзон Уайли индусом Мадар Соль Дингра.

Если такой акт может быть совершен в стране, которая и с социальной, и с индивидуальной стороны была втечение столетий проникнута пассивностью, то как можно сомневаться в громадном революционизирующем влиянии, которое оказывает на человеческую душу социальное неравенство? Можно ли сомневаться в логике и справедливости следующих слов:

— „Репрессия, тирания и наказания без разбору невинных людей было всегда лозунгом чужеземного правительства в Индии с тех пор, как мы начали бойкот английских товаров. Хитрость и жестокость англичан теперь перед глазами у всех. Они думают, что силой меча они могут подчинить себе Индию! Именно это высокомерие и вызвало бомбу, и чем больше они будут тиранить беззащитный, невооруженный народ, тем больше терроризм будет рости. Мы можем осуждать терроризм, как средство борьбы, чуждое нашей культуре, но он неизбежен, пока продолжается эта тирания, ибо вина лежит не на террористах, а на тиранах, которые ответственны за него. Это единственное последнее средство для беззащитного и невооруженного народа, доведенного до границы отчаяния, и это не может быть престу-

плением с его стороны. Преступление совершается самим тираном“ *)

Даже консервативные ученые начинают понимать, что наследственность не есть единственный фактор, который формирует человеческий характер. Климат, пища, занятие, даже цвет, свет и звук, все это должно приниматься во внимание при изучении человеческой психологии.

Но если это верно, то насколько более верна мысль, что вопиющие черты социального неравенства будут производить и должны производить на различные умы и темпераменты различное впечатление. Поэтому совершенно неправильно обычное заявление, что учение анархизма или известные представители этого учения ответственны за акты политического насилия.

Анархизм более, чем всякая другая социальная теория, ставит выше всего человеческую жизнь.

Все анархисты согласны с Толстым в следующей основной истине: если производство какого нибудь товара ведет к необходимости жертвовать человеческой жизнью, то общество должно обойтись без этого товара, но оно не может обойтись без этой жизни. Это однако вовсе не показывает, что анархизм учит подчинению. Как анархизм может это делать, когда он говорит, что все страдание, все горе, все зло исходит из подчинения?

Один американский деятель сказал много лет тому назад, что сопротивление тиранам есть повиновение богу, а он вовсе не был

*) „The Free Hindustan“.

анархистом. Я скажу, что сопротивление тирании есть величайший идеал человека. Пока существует тирания в какой бы то ни было форме, человек естественно должен ей сопротивляться, как естественно он должен дышать.

По сравнению со всеми насилиями капитала и правительства, политические акты насилия являются лишь каплей в море. То, что это делают лишь немногие, является самым сильным доказательством того, насколько силен должен быть конфликт между их задушевными убеждениями и невыносимым социальным неравенством.

Одаренные высокой чувствительностью, с душой, натянутой, как струна, они мучаются видя, как жестока, упорна и чудовищно несправедлива наша жизнь. В момент отчаянья струна лопается. Непосвященные и непонимающие слышат при этом только диссонанс. Но те, кто чувствуют крик агонии, понимают высочайшую гармонию этого момента и видят в нем выполнение величайшего человеческого долга.

Такова психология политического насилия.

Тюрьмы.

Преступление и неудача общества.

В 1849 году Федор Достоевский написал на стене своей камеры в тюрьме следующий рассказ: „Поп и дьявол“:

— „Здорово, толстый поп“, сказал дьявол попу. „Что заставило тебя врать этому бедному сбитому с толку народу? О каких пытках в аду ты говоришь им? Разве ты не знаешь, что они уже на земле испытывают адовы мучения? Разве ты не знаешь, что ты сам и земные власти—мои представители на земле? Это ты заставляешь их терпеть муки ада, которыми угрожаешь им на том свете. Разве ты не знал об этом? Тогда пойдем со мной!“.

Дьявол схватил попа за шиворот, поднял высоко на воздух и принес его на литейный завод. Там он увидел, как рабочие бегали взад и вперед и работали в ужасающей жаре. Очень скоро тяжелый душный воздух и жара подействовали на попа. Со слезами на глазах он стал умолять дьявола: „Возьми меня отсюда! Пусти! Дай мне уйти из этого ада“.

— Эй дружище Я должен показать тебе еще много других мест“. Дьявол схватил его опять и потащил в именье помещика. Здесь он увидел рабочих, которые молотили хлеб. Пыль и жара были невыносимы. Надсмотрщик кругом ходил с кнутом и нещадно бил каждого, кто падал на землю от усталости и голода.

Дальше попу были показаны жалкие лачуги, в которых жили рабочие со своими семьями,—грязные, холодные, дымные, вонючие дыры. Дьявол ухмыльнулся и указал на нищету и страдания кругом.

— „Что, мало?“, спросил он. Казалось даже, что он, дьявол, жалеет этих несчастных. Благочестивый слуга Всевышнего не мог вынести этого; подняв руки к небу, он стал просить: „Отпусти меня. Да, да, это ад на земле!“.

— „Ага, так видишь! А ты говоришь им о другом аде. Ты мучаешь их духовно, мучаешь до смерти, когда они уже почти умерли физически. Пойдем я покажу тебе еще один ад,—еще один, самый ужасный!“.

Он взял его в тюрьму и показал каземат с душным спертым воздухом, где человеческие тени больные, ослабевшие, потерявшие всякую энергию, валялись на полу, покрытые паразитами, которые пожирали их несчастные, голые, исхудавшие тела.

„Снимай свою шелковую рясу“, сказал дьявол попу, „надень на ноги тяжелые цепи, которые носят эти несчастные; ложись на холодный, грязный пол,—и тогда говори им об аде, который ожидает их в будущем“.

— „Нет, нет“, сказал поп, „я не могу представить себе ничего хуже этого. Умоляю тебя, возьми меня отсюда“.

— „ Да, это ад. Хуже этого ада ничего быть не может. Разве ты этого не знал? Не знал, что эти мужчины и женщины, которых ты пугал картиной будущего ада, уже находятся в аду здесь, раньше чем они умерли?“.

Это было написано 50 лет тому назад в

глухом углу России на стене одной из самых ужасных тюрем. Но кто может сказать, что это не относится с одинаковой силой к настоящему времени даже в американских тюрьмах?

Со всеми нашим хвалеными реформами, социальными переменами и важными открытиями человеческие существа продолжают посылаться в отвратительные места заключения, где их оскорбляют, развращают и мучают для того, чтобы „защищать“ общество от призраков, которые оно само себе сделало.

Тюрьма—защита общества? Какой чудовищный ум это выдумал? С таким же правом можно сказать, что здоровье увеличивается путем распространения эпидемии.

После полуторогодового пребывания в ужасной английской тюрьме, Оскар Уайльд дал миру свое великое произведение: „Балладу Рэдингской тюрьмы“:

„Самые мерзкие дела, как ядовитые растения,
Цветут в тюремном воздухе.
И только то, что есть хорошего в человеке,
Гибнет и увядает там.
Бледный ужас охраняет тяжелые ворота,
И тюремщиком является отчаянье“.

Но общество упорно сохраняет этот ядовитый воздух, не понимая, что из него не может выйти ничего другого, кроме самых скверных, ядовитых последствий.

Мы тратим в настоящее время 3,500,000 долларов в день или 1,000,095,000 долларов в год на поддержание наших тюремных учреждений и это в демократической стране,— сумма почти равняется соединенной стоимости годового производства пшеницы, оцениваемой в 750,000,000 долларов, и угля, оцениваемого в 350,000,000 долларов. Вашингтонский профессор Бушнелль оценивает стоимость тюрем в 6,000,000,000 долларов в год, а доктор Дж. Франк Лидстон, выдающийся американский писатель по криминологии, дает цифру 5,000,000,000 долларов. Таковы неслыханные чудовищные расходы ради поддержания громадной армии людей, запрятанных как дикие звери в клетки! *).

И однако число преступлений все растет. Мы знаем, что число преступлений, приходящихся на каждый миллион жителей, теперь в $4^1/_2$ раза больше, чем 20 лет тому назад.

Самое ужасное то, что у нас главным образом совершается убийство, а не грабеж, присвоение и воровство, как на юге. Лондон в 5 раз больше, чем Чикаго, и однако в Чикаго ежегодно совершается 118 убийств, а в Лондоне всего 20. Но и Чикаго является у нас не первым городом по преступлениям, а всего седьмым, а во главе стоят четыре южных города, а также Сан-Франциско и Лос-Анджелос. В виду такого ужасного положения вещей смешно распространяться о той защите, которую общество якобы получает от тюрем.

Человек среднего ума медленно воспри-

---

*) У. С. Оуэн: „Преступление и преступники“.

нимает истину, но когда самое организованное, централизованное учреждение, содержимое за счет громадных народных сумм, являет собой полное фиаско, то даже ограниченные люди должны спросить, имеет ли оно право на существование. Прошло то время, когда мы могли быть довольны нашим социальным строем только потому, что он „освященный божественным правом" или авторитетом закона.

Неоднократно предпринимаемые за последние годы исследования тюрем, агитация и распространение образования являются достаточным доказательством того, что люди начинают изучать самые основы общества, стараясь добраться до причин этого ужасного несоответствия между общественной и личной жизнью.

Почему же тюрьмы—общественное преступление и приводят к полному фиаско? Чтобы ответить на этот важный вопрос, нам надлежит обратиться к рассмотрению природы и причин преступлений, методов борьбы с ними и того результата, который эти методы дают для избавления общества от ужасного бича преступлений.

Прежде всего о природе преступлений.

Хэвелок Эллис разделяет преступления на четыре разряда,—совершенные по политическим соображениям, по мотивам чувства, вследствие безумия или ненормальности и случайные преступления. Он говорит, что политический преступник есть жертва стараний более или менее деспотического правительства сохранить свою власть. Он не обязательно виновен в совершении анти-обще-

ственного преступления. он просто пытается опрокинуть известный политический порядок, который сам по себе может быть анти-общественен. Эта истина признается во всем мире кроме Америки, где все еще господствует глупая мысль, что в демократии нет места для политических преступников. Однако Джон Браун был политическим преступником, то же можно сказать о Чикагских анархистах и о каждом стачечнике. Поэтому, говорит Хэвелок Эллис, политический преступник нашего времени может стать героем, мучеником и святым следующей эпохи. Ломброзо называет политического преступника истинным предшественником прогрессивного движения человечества.

„Преступник, совершивший преступление вследствие страсти, есть обыкновенно человек здорового происхождения и честной жизни, который под давлением какого-нибудь сильного незаслуженного оскорбления или обиды, сам восстанавливает для себя справедливость".

Хью С. Уэйр в своем труде: „Угроза полиции" указывает на пример некоего Джима Флагерти, преступника по страсти, который мог бы быть спасен обществом, но вместо того был обращен в пьяницу и рецидивиста, и в результате семья его была разорена и впала в нищету.

Еще более трагична история Арчи, героя романа Бранда Уитлока: „Поворот судьбы", — лучший американский роман, рисующий историю преступника. Арчи даже в большей степени, чем Флагерти, был приведен на путь преступления силой неблагоприятных обстоя-

теластв и бездушным преследованием юридической машины. Арчи и Флагерти—типичные представители многих тысяч; на них мы видим, как взгляд закона на преступление и методы борьбы с преступлениями приводит лишь к усилению этой болезни, подрывающей всю нашу социальную жизнь.

„Безумный преступник не может считаться преступником более, чем ребенок, так как, с точки зрения умственного развития, он находится на той же ступени, что малолетний ребенок или животное“ *).

Закон уже признает это, но только в редких случаях особено выдающегося характера или, когда богатство преступника позволяет роскошь признания безумным. Теперь стало даже модным быть признанным параноиком. Но в общем закон продолжает наказывать безумного преступника со всей строгостью своей власти. Так Эллис цитирует статистические данные доктора Рихтера, показывающие, что в Германии 106 человек из общего числа 144 безумных преступников были присуждены к суровому наказанию.

Случайный преступник „представляет наибольшую по численности категорию нашего тюремного населения и потому является наибольшей угрозой для нашего социального порядка“. Каковы причины, заставляющие громадную массу людей совершать преступления и предпочитать отвратительную жизнь в тюрьме жизни на свободе? Ясно, что причины должны безусловно доминирующие, не оставляющие никакого иного выхода, ибо

*) Хэвелок Эллис: „Преступник“.

даже самый уродливый человек любит свободу.

Эта страшная сила заключается в наших жестоких социальных и экономических условиях. Я не отрицаю биологические, физиологические и психологические факторы в создании преступлений. Но вряд ли найдется хоть один современный криминолог, который не согласится, что социальные и экономические влияния самые сильные, беспощадные и ядовитые факторы преступления. Даже если допустить, что есть врожденные преступные наклонности, тем не менее верно, что эти наклонности находят богатую почву для своего развития в нашей социальной обстановке.

Есть внутренняя связь, говорит Хэвелок Эллис, между преступлениями против человека и ценами на алкоголь, между преступлениями против собственности и ценами на пшеницу. Он цитирует Кэтлэ и Лакассаня, из которых первый смотрит на общество, как на инстанцию, подготовляющую преступления, а на преступников, как исполнительные органы, которые совершают их; Лакассань находит, что „социальная обстановка есть среда для культивирования преступности, что преступник есть микроб, элемент, который только тогда становится важным, когда находит среду, которая заставляет его придти в движение; *вообще каждое общество имеет преступников, которых оно заслуживает*“ *).

---

*) Хэвелок Эллис: „Преступление“.

Самый „счастливый“ период процветания промышленности не позволяет рабочему заработать достаточно, чтобы поддерживать свое здоровье и силу. А так как процветание даже в лучшем случае существует в воображении, то тысячи людей постоянно прибавляются к толпам безработных. От востока до запада и от юга до севера громадная армия бродяг ищет работы или пищи, и находят лишь работные дома или жалкие лачуги в бедных кварталах. Те, у кого осталась хоть капля самоуважения, предпочитают открытую борьбу, предпочитают преступление унизительной и изнурительной бедности.

Эдвард Карпентер говорит, что 5/6 преступлений состоит в нарушении прав собственности, но эта цифра слишком низка. Детальное исследование показало бы, что 9 преступлений из 10 вытекают прямо или косвенно из нашей системы безпощадной эксплоатации и грабежа. Нет ни одного преступника, как бы глуп он ни был, который бы не признавал этого ужасного факта, хотя может быть они не в состоянии об‘яснить его.

Труды по криминологии Ломброзо, Хэвелока Эллиса и других выдающихся писателей, показывают, что преступник чувствует очень ясно, что именно общество само приводит его к преступлению. Один миланский вор сказал Ломброзо: „Я не ворую, а лишь беру у богатых их излишки; кроме того разве адвокаты и купцы не воруют?“. Убийца написал: „Зная, что три четверти общественных добродетелей суть подлые пороки, я решил, что открытое нападение на богатого человека менее неблагородно, чем хитрая комби-

нация обмана и мошенничества“. Другой написал: „Я посажен в тюрьму за кражу полдюжины яиц. А министры, которые крадут миллионы, пользуются почетом и уважением. Бедная Италия!“. Один образованный арестант сказал Дэвитту: „Законы общества составляются в интересах обеспечения власти за богатыми, и этим у большей части человечества отнимаются его права и возможности. Почему они должны наказывать меня за то, что я такими же способами беру немного у тех, кто взял гораздо больше, чем они имели на то право?“. Тот же человек прибавил: „Религия отнимает у человека независимость; патриотизм есть глупое обожание мира, ради которого счастье и мир жителей приносится в жертву теми, кто от этого получает выгоду; законы же страны, ограничивая естественные желания человека, об‘являют этим войну естественному закону человеческих существ. По сравнению с этим“- прибавил он, „воровство есть почетное занятие“ *).

Поистине, в этих словах гораздо больше мудрости и истины, чем во всех юридических нравственных книгах общества.

Если экономические, политические, моральные и физические факторы являются микробами преступления, то как общество относится к этому?

Методы борьбы с преступлениями несомненно претерпевали много раз перемены, но главным образом лишь в теоретическом смысле. На практике же общество всегда сохра-

---

*) Хэвелок Эллис: „Преступник“

няло свой первоначальный мотив по отношению к преступнику,—месть. Оно усвоило себе также теологическую идею,—наказание. Юридические „цивилизованные“ метода состоят в устрашении и реформе. Мы сейчас увидим, что все четыре метода привели к полному фиаско, и что мы сегодня не ближе к разрешению вопроса, чем в средние века.

Естественный импульс примитивного человека ударить в ответ на оскорбление, отомстить за несправедливость—теперь отжил. Вместо этого цивилизованный человек, лишенный мужества и смелости, передал организованной машине обязанность отомщения за нанесенные ему оскорбления в глупой уверенности, что государство имеет оправдание делать то, что он по недостатку мужества и последовательности не может делать. „Его величество закон“ основывается на разуме и логике и не унижается до примитивных инстинктов. Его миссия более „высокого“ характера. Правда, он все еще путается в теологических бреднях и об‘являет наказание средством нравственного очищения или смягчения греха. Но юридически и практически закон прибегает к наказанию не только, как к причинению боли и неприятности преступнику, но также в целях устрашения других.

Что же является главным основанием наказания? Идея свободной воли, представление, что человек всегда является свободным в смысле выбора добра или зла; если он выбирает последнее, то должен платить за это высокой ценой. Хотя эта теория давно опровергнута и выброшена в корзину для старых

бумаг, она продолжает ежедневно применяться всей правительственной машиной, сделавшись самым жестоким и грубым мучителем человеческой жизни. Единственным основанием для ее продолжения является еще более жестокая идея, что чем больший террор наводит наказание, тем вернее оно может предупредить преступления.

Общество употребляет самые суровые методы против нарушителя законов. Почему же это не пугает его? Хотя в Америке человек считается невинным, пока не доказана его вина, аппарат закона и полиция наводят террор, производя аресты без разбору, избивая, оскорбляя людей, колотя палками, употребляя варварский способ „третьей степени“, запирая в каморках с отвратительным воздухом в полицейских участках, и осыпая еще более отвратительными ругательствами. Однако преступления быстро увеличиваются, и общество платит высокой ценой за свою политику. С другой стороны, мы видим, что, когда несчастный гражданин получил в полной мере „милость“ закона и ради бесопасности общества запрятан в отвратительную тюремную камеру, тогда начинается его настоящее мучение. Лишенный всех человеческих прав, низведенный до роли автомата без воли и желаний, завися всецело от милости грубых тюремщиков, он ежедневно подвергается процессу „обезчеловечивания“, по сравнению с которыми месть дикаря есть детская игра.

В Соединенных Штатах нет ни одного тюремного учреждения, где бы людей не мучили, чтобы их „сделать лучше“ посредством розог, палок, смирительной рубашки, „лече-

ния водой“, „поющей птицы“ (приспособление, посредством которого электрический ток пропускается через человеческое тело), карцера и голодной диэты. Воля человека в этих заведениях разбивается, душа унижается, его личность подавливается мертвящей монотонностью и рутиной тюремной жизни. В Огайо, Иллинойсе, Пенсильвании, Миссури и на юге эти ужасы сделались настолько вопиющими, что получили широкую огласку; в большинстве же других тюрем применяются такие же „христианские“ методы. Но тюремные стены редко пропускают крики своих жертв, тюремные стены толсты и заглушают звуки. Общество могло бы с большей уверенностью в своей безопасности уничтожить разом все тюрьмы, чем надеяться на защиту путем этих ужасных застенков XX века.

Год за годом тюремные ворота отворяются и возвращают миру истощенных, изуродованных, безвольных людей, потерпевших крушение в жизни, с печатью Каина на лбу и с разбитыми надеждами впереди; их естественные наклонности извращены; их ждет на свободе лишь голод и вражда, и они скоро возвращаются на путь преступления, ибо это для них единственный способ существования.

Вполне обыкновенная вещь — встретить мужчин и женщин, проведших половину своей жизни или даже всю жизнь в тюрьме. Я знала женщину на Блэкуелль-Айланд, которая была 38 раз в тюрьме; один мой друг помогал юноше 17 лет, сидевшему в исправительной тюрьме, и не знавшему никогда, что такое свобода. От тюрьмы до исправительного заведения и обратно,—таков был

путь его жизни, пока, наконец, он не умер от истощения. Эти личные мои впечатления подтверждаются многочисленными данными, которые вполне доказывают полную безполезность тюрем, как средства устрашения или исправления.

Некоторые честные хорошие люди работают сейчас над новым направлением в тюремном деле, которое имеет ввиду восстановление человека, возрождение его, предоставление ему возможности сделаться снова членом общества. Как ни похвально это стремление, я боюсь, что не следует возлагать надежды на новое вино, налитое в старые меха. Только полная перестройка общества избавит человечество от язвы преступления. Все же если допустить пока паллиативы, можно пытаться улучшать наши тюремные заведения. Но прежде всего необходимо возродить общественную совесть, которая находится в жалком состоянии. Общество должно пробудиться, сознать, что преступление есть лишь вопрос степени, что мы все носим в себе зародыши преступления более или менее в зависимости от нашей умственной, физической и общественной обстановки; отдельный преступник есть лишь отражение направления всего общества.

Когда общественная совесть пробудится, то люди вероятно откажутся от „чести" быть борзой собакой закона. Человек перестанет преследовать, презирать преступника или не доверять ему и даст ему возможность жить и дышать среди его друзей. Учреждения, конечно, не сразу поддадутся новому течению,— они холодны, непроницаемы и жестоки; од-

нако наверно будет возможно избавить тюремные жертвы от жестокостей начальства, стражи и надсмотрщиков. Общественное мнение—могучее оружие, и тюремщики боятся его. Их можно научить быть хоть немного вежливее,—особенно, когда они поймут, что от этого будет зависеть вся их служба.

Но самый важный шаг состоит в требовании для заключенного права работать, пока он находится в тюрьме, за некоторое денежное вознаграждение, которое даст ему возможность отложить немного денег до дня его освобождения, когда начнется новая для него жизнь.

Смешно надеяться на получение многого от тюремного общества, когда мы вспомним, что рабочие сами выражают протест против работы заключенных. Я не буду разбирать подробно это возражение, и укажу только, что оно не практично. Начать прежде всего с того, что возражение против организованного труда заключенных ломится в открытую дверь, ибо заключенные уже всегда работали; только государство было их эксплоататором совершенно так же, как частный хозяин грабил организованных рабочих. Штаты или заставляли заключенных работать на правительство, или отдавали их в наем частным предпринимателям. 29 Штатов придерживались этой системы. Федеральное правительство и 17 отдельных Штатов отказались от нее также, как и руководящие народы Европы, так как эта система вела к ужасной эксплоатации заключенных и бесконечным злоупотреблениям и лихоимству.

—„Рэд Айленд, штат, управляемый Ольдри-

хом, является, может быть, наихудшим в этом отношении. Согласно контракту, заключенному на 5 лет 7 июля 1906 года и возобновляемому при желании контрагентов еще на 5 лет, труд заключенных в Род Айлендской тюрьме, а также в Провиденс-Каунтской тюрьме запродан частной компании Релайенс-Стерлинг К⁰ за ничтожную плату, менее 25 центов в день за человека. Эта компания есть в сущности гигантский трест для эксплоатирования труда заключенных, ибо она берет по контракту труд заключенных в тюрьмах в Конектикуте, Мичигане, Индиане, Небраске, и Южной Дакоте, а также в исправительных тюрьмах в Иллинойсе, Нью-Джерсей, Индиане и Висконсине,—всего в 11 заведениях.“

„О громадности злоупотреблений и лихоимства по этому контракту можно судить по тому, что та же компания в Небраске платит 62$^1/_2$ цента в день за труд заключенного, и что Теннеси, например, получает 10 долларов 10 пенсов в день за труд заключенного от компании Грэй-Дэлей Хардвер; Миссури получает 70 центов в день от Стар Оверолль Компании; Западная Виргиния получает 65 центов в день от Компании Крафт и Мэрилэнд получает 55 центов в день от Компании Оппенгейм Оберндорф; все эти компании занимаются приготовлением рубашек. Такая разница в ценах указывает на громадное лихоимство. Например, Релайенс-Стерлинг Ко приготовляет рубашки, при чем свободный труд обходится ей не менее 1 доллара 20 центов за дюжину, между тем как она платит Род-Айленд всего 30 центов за дюжину. Далее, государство не берет с этого треста никакой арендной платы

за пользование громадной фабрикой, не берет ничего за двигательную силу, отопление, освещение и даже за канализацию, и, наконец не берет с нее никаких налогов. Что за мошенническая сделка!"*)

Высчитано, что трудом заключенных в Америке производится ежегодно рубашек и рабочих передников на сумму свыше 12,000,000 долларов. Это область женского труда, и первая мысль, которая приходит в голову, что громадное количество женщин, благодаря такой организации, остается без работы. Вторая мысль та, что заключенные мужчины, которые должны были бы изучать ремесла, которые дадут им возможность поддерживать себя трудом после освобождения из тюрьмы, сидят на работе, которая не может дать им ни одного доллара. Это тем более серьезно, когда мы вспомним, что все это происходило в исправительных тюрьмах, которые так громко заявляют, что они подготавливают своих заключенных быть полезными гражданами. Третья и самая важная мысль, что огромные прибыли, вынутые таким образом из труда заключенных, являются постоянным стимулом для контрагентов вымогать из своих несчастных жертв такие работы, которые им совершенно не под силу, и наказывать их жестоко, когда их работа не удовлетворяет чрезмерных требований хозяев.

Кроме того, мы должны осудить попытки заставлять заключенных делать работу, которой впоследствии они не смогут жить по от-

---

*) Цитируется из изданий Национального Комитета о труде заключенных.

бытии наказания. Индиана, например, есть штат, который очень много говорил об образцовом устройстве своих тюремных учреждений. Однако, согласно опубликованному в 1908 году отчету школы местной исправительной тюрьмы, оказывается, что 135 человек были заняты выделкой цепочек, 207 —шитьем рубашек и 255 работали в литейной мастерской: всего 597 человек по 3 специальностям. Но у сидящих в исправительной тюрьме заключенных насчитывалось всего 59 профессий, из которых 39 были связаны с сельским хозяйством. Между тем, Индиана, как и другие штаты, заявляет, что она тренирует своих заключенных, подготовляя к профессиям, которыми они смогут впоследствии зарабатывать себе существование.

Фактически же Индина посадила их на работу по приготовлению цепочек, рубашек и щеток,—последние изготовлялись для компании Луизвилль Фэнси Гросери Ко. Но выделка щеток есть ремесло, монополизированное главным образом слепыми, а шитье рубашек делается женщинами, и наконец в штате есть только одна фабрика цепочек, на которую выпущенные арестанты не могут даже надеяться попасть на работу. Таким образом весь план обращается в жестокую комедию.

Если таким образом штаты помогают лишь грабить этих несчастных на такие громадные суммы, то не настало ли время для организованных рабочих прекратить эту пустую болтовню и настаивать на приличном вознаграждении для заключенных, равном тому, которое рабочие требуют для себя? Этим пу-

тем они убили бы самую возможность превращения заключенного в врага интересов рабочего класса. Я уже сказала, что тысячи заключенных, не обученных никакому ремеслу, без всяких средств к жизни, выбрасываются назад на общественную арену. Эти мужчины и женщины должны жить, ибо даже бывший арестант имеет потребности. Тюремная жизнь сделала их анти-общественными существами, и наглухо закрытые двери, которые встречают их всюду по освобождении, не смягчают их горечи. Неизбежным результатом всего этого является то, что они образуют те свободные от дела кадры, из которых фабрикуются стачконарушители, сыщики и полицейские, готовые на все по приказу хозяина. Таким образом организованные рабочие своей глупой оппозицией работе заключенных подрывают сами свои собственные интересы и помогают создать те ядовитые газы, которые мешают всякой попытке улучшить их положение. Если рабочий хочет избежать этого, он должен *настаивать* на праве заключенных на труд, он должен встретить их как братьев, принять их к себе в организацию и *с их же помощью пойти против той системы, которая давит их обоих.*

В заключение я должна указать на то, что все начинают понимать несправедливость и жестокость судебных приговоров. Те, кто верит в грядущую перемену и работает для нее, скоро приходит к заключению, что каждый человек должен иметь шанс и возможность проявить свои хорошие стороны. Но как он может это сделать, когда на нем висит приговор тюремного заключения на 10,

15 или 20 лет? Надежды на свободу и счастливый случай есть единственный стимул к жизни особенно для заключенного. Общество грешило против него слишком долго,—и должно ему дать хоть это. Я не верю особенно, чтобы общество согласилось на это, и не верю, что вообще может произойти действительное улучшение в этом отношении, пока не будут уничтожены навсегда самые условия, воспитывающие и тюремщика, и арестанта.

„Из его уст красная, красная роза!
Из его сердца белая роза!
Ибо кто может сказать, каким странным путем
Христос исполняет свои желания,
Раз даже сухой жезл, который нес пилигрим,
Зацвел вдруг на глазах Папы.

Патриотизм.

Угроза свободе.

Что такое патриотизм? Есть ли это любовь к нашей родине, к месту наших детских воспоминаний и надежд, мечтаний и ожиданий? Есть ли это место, где в детской наивности мы следили за плывущими облаками и удивлялись, почему мы также не можем улететь с ними? Место, где мы считали миллиарды сверкающих звезд, боясь, что это все чьи-то глаза, пронизывающие наши души? Есть ли это место, где мы слушали пение птиц и желали иметь крылья, чтобы лететь с ними в далекие земли? Или место, где мы сидели на коленях матери, завороженные удивительными рассказами о великих подвигах и завоеваниях? Вообще есть ли это место, где на каждом шагу нас охватывают милые и дорогие воспоминания о счастливых радостных днях детства?

Если это есть патриотизм, то очень немногих американцев можно заставить быть патриотами, так как место их детских игр давно обращено в фабрику, завод или рудники, а оглушающий стук машин заменил собой пение птиц. Мы не можем также слушать рассказы о великих деяниях, так как наши матери не могут рассказывать нам ничего другого кроме истории страдания, горя, слез и нищеты.

Что же такое патриотизм? Доктор Джонсон говорит: „патриотизм есть последний аргумент прохвостов“.

Лев Толстой, виличайший противник патриотизма нашего времени, определяет его, как принцип, который оправдывиет подготовку массовых убийц; как ремесло, которое требует более тщательной тренировки в деле убийства человека, чем приготовление необходимых нам вещей, как обувь, платье и дома; как занятие, которое обеспечивает лучшие доходы и большую славу, чем труд обыкновенного рабочего.

Гюстав Эрве, другой великий анти-патриот, справедливо называет патриотизм предрассудком гораздо более вредным, грубым и бесчеловечным, чем религия. Религия явилась результатом неспособности человека об'яснить естественные явления природы. Когда первобытный человек слышал гром или видел молнию, он не мог об'яснить себе ни того, ни другого и поэтому решил, что сзади этих явлений таится сила гораздо большая, чем он сам. Также он видел сверхестественную силу в дожде и в других переменах в природе. Патриотизм же наоборот есть предрассудок, искусственно созданный и поддерживаемый целой сетью лжи и неправды, предрассудок, лишающий человека самоуважения и достоинства и увеличивающий его высокомерие и гордость.

Действительно высокомерие, гордость и эгоизм являются составными частями патриотизма. Иллюстрируем это примерами. Патриотизм полагает, что наш земной шар разделен на маленькие участки, каждый из которых окружен железной решеткой. Те, кто имел счастье родится в определенном месте, считают себя лучше, благородней, интеллигент-

ней, чем живые существа, обитающие в других местах. Поэтому тот, кто живет на данном избранном месте, должен сражаться, убивать и если нужно умереть, стараясь навязать свое превосходство другим.

Обитатели других мест рассуждают таким же образом, и в результате с самого раннего детства ум ребенка отравлен историями, от которых стынет кровь, относительно немцев, французов, итальянцев, русских и т. д. Когда ребенок достигает зрелого возраста, он уже весь проникнут убеждением, что сам бог избрал его для защиты *его* страны против нападений или вторжений иностранцев. Именно для этой цели мы требуем увеличения армии и флота, требуем больше броненосцев и аммуниции. Для этой цели Америка втечение короткого времени истратила 400,000,000 долларов. Только подумайте.—400,000,000 долларов отняты из того, что произведено *народом.* Ибо, конечно, не богатые доставляют средства на патриотизм. Богатые—космополиты, им удобно и хорошо везде во всяком государстве. Мы в Америке знаем это слишком хорошо. Разве наши богатые американцы не являются французами во Франции, германцами в Германии и англичанами в Англии? И разве они не тратят с изящным равнодушием средства, созданные трудом фабричных детей и рабов в Америке? Таков их патриотизм, который позволяет им посылать соболезнующие телеграммы различным деспотам вроде русского царя, когда с ним случается несчастье,—как это сделал Президент Рузвельт от имени своего народа, когда ве-

ликий князь Сергей был убит русскими революционерами.

Этот патриотизм готов поддерживать архиразбойника и убийцу президента Диаца, когда он убивал людей тысячами в Мексике, и даже готов помогать ему арестовывать мексиканских революционеров на американской почве и держать их в американских тюрьмах без всякого к тому повода или основания.

Но, конечно, патриотизм предполагается не только для тех, кто имеет власть и деньги, а для всего народа. Это напоминает нам исторический рассказ о Фридрихе Великом, интимном друге Вольтера, который сказал: „Религия есть обман, но ее нужно поддерживать для народа."

Патриотизм—очень дорогое учреждение,—в этом нельзя сомневаться после указываемых нами ниже цифр. Прогрессивное увеличение расходов на крупнейшие армии и флоты всего мира втечение последней четверти века таково, что должно поразить каждого вдумчивого экономиста. Чтобы дать вкратце представление об этом, мы разделим время от 1881 года до 1905 года на 5-летние периоды и сравним расходы на армию и флот главных наций в первом и последнем периоде. Получаем следующие цифры: расходы Великобритании увеличились с 2,101,848,936 долларов до 4,143,226,885 долларов; Франции — с 3,324,.500,000 долларов до 3,445,109,000 долларов; Германии—с 725,000,200 долларов до 2,700,375,600 доллар.; Америки—с 1,275,500,750 долларов до 2,650,900,450 долларов; России—с 1,900,975,500 долларов до 5,250,445,100 долларов, Италии—с 1,600,975,750 долларов до

1,755,500,100 долларов; Японии—с 182,900,500 долларов до 700,925,475 долларов.

Военные расходы каждой из этих наций увеличились за каждый из 5-летних периодов. Втечение всего промежутка от 1881 года до 1905 расходы Англии на армию увеличились в 4 раза, Америки в 3 раза, России в 2 раза, Германии на 35%, Франции на 15%, и Японии почти на 500%. Если мы сравним расходы на армии с цифрой всех расходов за те же 25 лет, кончая 1905 годом, то пропорциональное увеличение выражается следующими цифрами: в Великобритании с 20% до 37%, в Америке с 15% до 23%, во Франции с 16% до 18%, в Италии с 12% до 15% и в Японии с 12% до 14%. С другой стороны, интересно отметить, что в Германии наблюдается уменьшение с 58% до 25%, но это об'ясняется огромным увеличением имперских расходов на другие расходы; фактически же расходы на армию за периоды 1901—1905г.г. были выше, чем в любой из предыдущих 5-летних периодов. Статистика показывает, что странами с наибольшими военными расходами соответственно общей сумме доходов являются по порядку: Англия, Америка, Япония, Франция и Италия.

Сравнительные цифры расходов на флот не менее красноречивы. Втечение 25 лет, кончая 1905 годом, морские расходы крупнейших держав увеличивались следующим образом: Великобритании на 300%, Франции на 60%, Германии на 600%, Америки на 525%, России на 300%, Италии на 250%, и Японии на 700%. Если не считать Англии, Соединенные Штаты тратят на флот больше, чем какая бы то ни было другая нация, и эти расходы составляют

большую часть всех расходов государства, чем у любой другой державы. За период 1881—85г.г. в Америке на морские расходы приходилось 6 долларов 20 центов из каждых 100 долларов общих расходов; втечение следующего пятилетия цифра возросла до 6 долларов 60 центов, затем до 8 долларов 10 центов, дальше до 11 долларов 70 центов и за период 1901—1905 г.г. до 16 долларов 40 центов. Несомненно, что теперь расходы на флот увеличились еще больше.

Стоимость непреодолимо растущего милитаризма может быть еще показана посредством суммы, приходящейся на голову населения. С первого до последнего пятилетия сравнительные цифры показывают следующее увеличение: в Англии с 18 долл. 47 цент. до 52 долл. 50 цент.; во Франции с 19 долл. 66 цент. до 23 долл. 62 цент.; в Германии с 10 долл. 17 цент. до 15 долл. 51 цент.; в Америке с 5 д. 62 ц. до 13 д. 64 ц.; в России с 6 д. 14 ц. до 8 д. 37 ц.; в Италии с 9 д. 59 ц. до 11 д. 24 ц. и в Японии с 86 ц. до 3 д. 11 ц.

Тяжесть экономического бремени милитаризма особенно ясно вырисовывается из этой таблицы, ибо, по имеющимся у нас данным, видно, что увеличение расходов на армию и флот быстро обгоняет рост населения в каждой из упомянутых выше стран. Другими словами, продолжение роста милитаризма угрожает этим нациям прогрессивным вырождением и истощением, как их людского материала, так и естественных рессурсов.

Эта безумная трата сил и средств должна быть достаточна, чтобы излечить даже человека средней интеллигентности от болезни

патриотизма. Однако, он требует еще большего. Народ заставляют быть патриотичным, и за эту роскошь он должен платить, не только поддерживая своих „защитников“, но и жертвуя своими детьми, ибо патриотизм требует верности знамени, а это значит послушание и готовность убить отца, мать, брата и сестру.

Обычно утверждают, что нам необходимо иметь постоянную армию для защиты страны от иностранного вторжения. Однако, каждый интеллигентный мужчина и женщина знает, что это миф, поддерживаемый затем, чтобы пугать и принуждать глупых людей. Правительства всех стран мира, зная интересы друг друга, не вторгаются в чужие владения. Они научились той истине, что можно больше выиграть посредством международного арбитража, чем посредством войны и завоевания. Карлейль сказал: „Война есть ссора между двумя ворами, которые слишком трусливы, чтобы сражаться самим; поэтому они берут юношей из одного и другого селения, одевают их в мундиры, дают им оружие и выпускают, как диких зверей, драться друг против друга.“

Не нужно быть слишком умным, чтобы быть в состоянии проследить каждую войну к одной и той же общей причине. Возьмем нашу испано-американскую войну, которая считается великим и патриотическим событием в истории Соединенных Штатов. Как наши сердца в то время горели негодованием против жестоких испанцев! Правда, наше вдохновение не вспыхнуло сразу. Оно подогревалось втечение нескольких месяцев газетной агитацией и долго спустя после того, как Вейлер убил многих кубанцев и оскорбил многих кубанских

женщин. Тем не менее, воздавая должную справедливость американскому народу, нужно сказать, что он на самом деле был полон негодования и был готов сражаться и сражался храбро. Но когда пыл простыл, когда мертвые были похоронены, и стоимость ведения войны предстала перед народом в виде возросших цен на товары и квартиры,—вообще когда мы пришли в себя после патриотического опьянения, то нам сразу стало ясно, что причина испано-американской войны сводится в сущности к тому, какая будет цена на сахар. Иначе говоря, жизнь, кровь и средства американского народа были потрачены на то, чтобы охранить интересы американских капиталистов, которым угрожало испанское правительство. Это не есть преувеличение, но основывается на абсолютных фактах и цифрах и доказывается отношением американского правительства к кубанским рабочим. Когда Куба очутилась во власти Америки, то тем же самым солдатам, которые были посланы для освобождения Кубы, было приказано стрелять в кубанских рабочих сигарных фабрик во время большой стачки, которую они организовали вскоре после войны.

Но мы не одни виноваты в том, что начинали войну из-за таких соображений. Занавес начинает немного приподниматься над историей ужасной русско-японской войны, которая стоила столько крови и слез, и мы видим, что сзади страшного Молоха войны опять таки стоит еще более страшный бог выгоды и наживы. Куропаткин, русский военный министр, раскрыл истинный секрет начала войны. Оказывается, что царь и великие князья вложили

деньги в корейские концессии, и война была предпринята единственно ради того, чтобы можно было поскорее получить большие капиталы.

Утверждение, что постоянная армия и флот являются лучшим обеспечением мира, столь же логично, как положение, что самые мирные граждане в городе те, кто лучше других вооружен. Опыт каждого дня показывает, что вооруженный человек обязательно хочет попробовать свою силу. То же исторически прилагается к правительствам. Действительно, мирные страны не тратят свою жизнь и энергию на подготовление к войне и тем самым лучше охраняют интересы мира.

Требование увеличений армии и флота нисколько не вызывается внешней опасностью, а страхом перед растущим недовольством народных масс и перед духом международного единения среди рабочих. Державы вооружаются именно для борьбы с внутренним врагом, — врагом, который раз пробудившись, будет в тысячу, раз более опасен, чем вторгающийся неприятель.

Державы втечение столетий были заняты порабощением народных масс и хорошо изучили их психологию. Они знают, что народные массы похожи на маленьких детей, горе и слезы которых легко обратить в радость, дав им маленькую игрушку. И чем ярче одета игрушка, чем пестрей ее окраска, тем более она им нравится.

Армия и флот представляют собой такие игрушки для народа. Чтобы сделать их более привлекательными и приемлемыми, сотни и тысячи долларов тратятся на показывание этих

рушек. Американское правительство оборудовало флот и послало его к тихоокеанскому побережью, чтобы каждый американский гражданин чувствовал гордость и славу Соединенных Штатов. Город Сан-Франциско истратил 100,000 долларов на прием и угощение флота; Лос-Анджелос—60,000 долларов; Сиаттль и Такома—около 100,000 долларов. Прием и угощение флота? Это значит обед и вино для высших офицеров в то время, как „храбрые молодцы“ должны были прибегнуть к мятежу, чтобы получить достаточно пищи. Да, 260,000 долларов были потрачены на фейерверки, театры и развлечения в то время, как мужчины, женщины и дети в стране голодали на улицах, и когда тысячи безработных были готовы продать свой труд за любую плату, лишь бы не умереть с голоду.

260,000 долларов! Чего только нельзя было сделать на такую громадную сумму! Но вместо хлеба и убежища дети этих городов были взяты на смотр флота, чтобы это могло остаться, как выразилась одна газета, „в памяти ребенка навсегда.“

Хорошие вещи предлагают запомнить детям! Орудия цивилизованного убийства! Если память ребенка должна быть отравлена такими воспоминаниями, то куда же годятся наши надежды на осуществление всемирного братства?

Мы, американцы, претендуем на то, что мы являемся миролюбивым народом. Мы ненавидим пролитие крови и противимся всякому насилию. Однако мы чуть не впадаем в истерику от радости по поводу того, что с аэропланов можно бросать динамитные бомбы в

беззащитных граждан. Мы готовы вешать, линчевать или казнить электрическим током кого угодно, кто под влиянием нужды рискнет своею жизнью и устроит покушение на жизнь какого-нибудь промышленного короля. Наши сердца наполняются гордостью при мысли, что Америка становится самой могучей нацией в мире, и что она сможет при случае поставить свою ногу на шею всем другим народам.

Такова логика патриотизма.

Патриотизм оказывает весьма скверное влияние на среднего обыкновенного человека, но это ничто в сравнении с оскорблениями и унижениями, которым патриотизм подвергает солдата,—эту бедную обманутую жертву невежества и предрассудка. Что патриотизм готовит в будущем для него—защитника страны и хранителя нации? Ничего другого кроме жизни, полной рабского подчинения, порока и разврата во время мира и опасности, лишений и даже смерти во время войны.

Когда я в последний раз лектировала в Сан-Франциско, я посетила Президно, самый очаровательный уголок с видом на бухту и парк. Там следовало бы устроить площадку для детских игр, сад и музыку для отдыха усталым. Вместо этого все местечко изуродовано безобразными, серыми казармами, в которых любой богач не поселил бы даже своих собак. В этих ужасных казармах солдаты напиханы, как скот; здесь они проводят свою молодость, чистя сапоги и полируя медные пуговицы старших офицеров. Здесь, как я видела, установлен принцип различия классов: сыны свободной республики, вытянувшись в линию, как арестанты, отдавали честь каждо-

му проходящему молокососу лейтенанту. Пресловутое американское равенство на самом деле унижает человеческое достоинство и ставит выше всего мундир!

Казарменная жизнь развивает тенденции полового извращения и постепенно приводит к тем же результатам, которые получаются в европейских милитаризованных странах. Хэвелок Эллис, известный писатель по вопросам половой психологии, подробно изучает этот вопрос и говорит: „Некоторые из казарм являются большими центрами мужской проституции... Число проституирующих солдат больше, чем мы хотели бы верить. Без всякого преувеличения можно сказать, что в некоторых полках большинство солдат продают себя... В летние вечера Гайд-Парк и местность около Альберт-Гейт полны гвардейскими и другими солдатами в форме и без нее, почти открыто занимающимися этим делом... В большинстве случаев это дает приличный заработок в добавление к карманным деньгам Томми Аткинса.“

До каких размеров этот разврат проник в армию и флот, можно видеть из того, что, оказывается, существуют особые дома для этой формы проституции. Такая практика наблюдается не только в Англии, но и во всех других странах. „За солдатами гоняются во Франции не менее, чем в Англии или Германии. В Париже и других городах, где стоят гарнизоны, существуют особые дома для военной проституции.“

Если бы Хэвелок Эллис включил в свое исследование половых извращений также Америку, то он увидел бы здесь такую же картину в нашей армии и флоте. Увеличение по-

стоянной армии неизбежно усиливает рост половых извращений,—казармы в этом отношении играют роль инкубаторов.

Но оставляя в стороне дурное влияние казарменной жизни на половые инстинкты, мы находим, что она делает солдата неспособным ни к какой полезной работе после оставления им армии. Люди, знающие какое-нибудь ремесло, редко идут в армию и флот, но даже они после военной службы становятся неспособными к своей прежней профессии. Они усваивают привычки к праздности и вкус к возбуждению и приключениям; поэтому мирная работа не может удовлетворять их. Отпущенные из армии, они не могут уже вернуться к полезной работе. Обычно, именно социальные отбросы, отбывшие наказание арестанты и т. п. идут в армию, куда их загоняет жизненная борьба и наклонность к ничего не деланию. По освобождении из армии они опять вступают на прежний путь преступлений, еще более огрубелые и развращенные, чем раньше. Известно, что в наших тюрьмах есть большой процент преступников, прежних солдат. С другой стороны, армия и флот в большой степени пополняются бывшими преступниками!

Дух патриотизма не терпит целостности и независимости личности,—особенно характерен в этом отношении случай с солдатом Вильямом Бувальда. Он глупо верил, что можно быть солдатом и в то же время пользоваться своими правами человека,—военные власти подвергли его за это суровому наказанию. Правда, он в армии служил более 15 лет, и втечение этого времени его послужной список был безупречен. Поэтому генерал Фун-

стон смягчил приговор и назначил ему лишь 3 года тюремного заключения, сказав при этом следующие характерные слова: „первый долг офицера или солдата—беспрекословное повиновение и преданность своему начальству; совершенно не важно, одобряет ли он это начальство или нет.“ Эти слова Фунстона определяют точно характер военной дисциплины. Согласно ему вступление в армию есть отказ от Декларации Прав Независимости!

Патриотизм претерпевает странное развитие, превращая мыслящее существо в юридическую машину!

В оправдание этого сурового приговора над Бувальдой генерал Фукстон заявил американскому народу, что прступление его было „серьезным преступлением, равным измене.“

Что же это было за „ужасное преступление„? Оказывается, что Вильям Бувальда был на публичном митинге в Сан-Францнско, где присутствовало около 1500 человек, и там—о, ужас! —он пожал руку оратору, который был ни кто иной, как Эмма Гольдман! Действительно, ужасное преступление, о котором генерал Фунстон говорит: „серьезное военное преступление, оно гораздо хуже, чем дезертирство.“

Можно ли придумать более худшее обвинение против патриотизма, чем этот случай, когда человека ни с того, ни с сего об‘явилипреступником, посадили в тюрьму и отняли у него все плоды 15-летней верной безупречной службы?

Бувальда отдал своему отечеству лучшие годы своей жизни и своей юности. Но все это считалось ни во что. Патриотизм неумолим, и, как все ненасытные чудовища, он требует или все, или ничего. Он не допускает, что

солдат в то же время может быть человеком, который имеет право на свои мнения и чувства, право на свои наклонности и идеи. Патриотизм не позволяет этого. Таков урок, который Бувальда должен был теперь выучить-он выучил его дорогой ценой, но не без пользы для себя. Когда его выпустили на свободу, он потерял свое положение в армии, но за то получил право на самоуважение. Для этого стоит отбыть 3 года тюремного заключения!

Один писатель, говоря о милитаризме в Америке, в своей последней статье рассуждает о власти военных над гражданским населением в Германии. Между прочим, он говорит, что, если наша республика не имеет никакой другой цели, кроме гарантирования всем гражданам равных прав, то она уже одним этим оправдывает свое существование. Я убеждена, что писатель не был в Колорадо во время патриотического режима генерала Белля. Он, вероятно, переменил бы свое мнение, если бы видел, как во имя патриотизма и республики людей бросали в клетки для скота, тащили, прогоняли через границу и подвергали всяческим оскорблениям и унижениям. Этот инцидент в Колорадо не является единичным в процессе роста военной власти в Соединенных Штатах. Не проходит ни одной стачки, где войска и милиция не явились бы на помощь администрации, и где они не действовали бы так же высокомерно и грубо, как солдаты кайзера. Кроме того, мы имеем так называемый военный закон Дика. Разве писатель забыл об этом?

С нашими писателями вообще происходит постоянное несчастье,—они или совершенно

ничего не знают о текущих событиях, или по недостатку честности не желают говорить о неудобных для них предметах. Военный закон Дика был быстро проведен через Конгресс, дебатов при этом почти не было, и еще меньше было об этом сообщений в газетах,—этот закон дает Президенту право обратить каждого мирного гражданина в кровожадного убийцу; на словах это предполагается делать ради защиты страны, а на деле ради охраны интересов той партии, представителем которой является президент.

Наш писатель заявляет, что милитаризм никогда не может сделаться в Америке такой силой, как заграницей, потому что военная служба у нас основана на добровольном принципе, а там на принуждении. Но он при этом забывает два важных факта. Во первых, воинская повинность вызвала в Европе среди всех классов общества глубокую ненависть к милитаризму. Тысячи молодых солдат попадают в армию, протестуя против этого, и очутившись в армии, они прибегают ко всевозможным способам, чтобы дезертировать. Во вторых, именно принудительность военной службы и создала антимилитаристское движение, которого европейские державы боятся больше, чем чего бы то ни было. Понятно, что милитаризм есть сильнейший оплот капитализма. Как только милитаризм ослабеет, капитализм неизбежно пошатнется. Правда, мы в Америке не имеем всеобщей воинской повинности; это значит, что наши мужчины обыкновенно не принуждаются вступать в армию, но зато мы развили другую, еще более суровую и требовательную силу, —это необходи-

мость. Разве не правда, что во время промышленного застоя количество вступающих в армию, увеличивается в колоссальной степени? Военная профессия, может быть, не очень выгодна и почтенна, но все-таки это лучше, чем бродить по стране в поисках работы, или стоять в очереди за хлебом, или спать в муниципальных ночлежках. Кроме того, это все-таки значит 13 долларов в месяц, еда три раза в день и место, где можно спать. Но даже необходимость не является достаточно сильным фактором, чтобы соблазнить в армию людей сильных и с характером. Не удивительно, что наши военные власти жалуются на „плохой материал", попадающий в армию и флот. Это признание чрезвычайно приятный признак, который показывает, что в среднем американце есть еще достаточно духа независимости и любви к свободе, чтобы рискнуть скорее голоданьем, чем согласиться напялить на себя военный мундир.

Мыслящие мужчины и женщины во всем мире начинают понимать, что патриотизм есть слишком узкая и ограниченная идея, чтобы отвечать всем потребностям нашего времени. Централизация власти вызвала чувство международной солидарности среди придавленных наций мира,—солидарности, которая представляет большую гармонию интересов между американским рабочим и его товарищем заграницей, чем между американским углекопом и его эксплоатирующим согражданином; солидарности, которая не боится иностранного вторжения, потому что это приведет всех рабочих к моменту, когда они скажут своим хозяевам: „ступайте и делайте ваше дело убийства. Мы делали это слишком долго для вас."

Эта солидарность пробуждает сознание даже между солдат, которые являются плотью от плоти одной человеческой семьи. Эта солидарность доказала более чем один раз свою полезность во время прошлых конфликтов и побудила солдат во время Коммуны 1871 года отказаться расстреливать своих братьев. Она придала бодрости русским матросам, когда они подымали бунты на русских броненосцах втечение последних лет, и она приведет когда-нибудь к восстанию всех притесненных и страдающих против их международных эксплоататоров.

Пролетариат Европы понял, какая громадная сила кроется в этой солидарности, и начал войну против патриотизма и его кровавого отражения,—милитаризма. Тысячи людей наполняют тюрьмы во Франции, Германии, России и Скандинавских странах, потому что они посмели сделать вызов этому устарелому предрассудку. Движение это не ограничилось рабочим классом, но захватило представителей всех классов и положений; его главными сторонниками являются мужчины и женщины, выдающиеся в искусстве, науке и литературе.

Америка должна последовать за ними. Дух милитаризма уже распространился повсюду. Я убеждена, что милитаризм в Америке вырастает в большую опасность, чем где бы то ни было, потому что капитализм здесь подкупает тех, кого он хочет уничтожить.

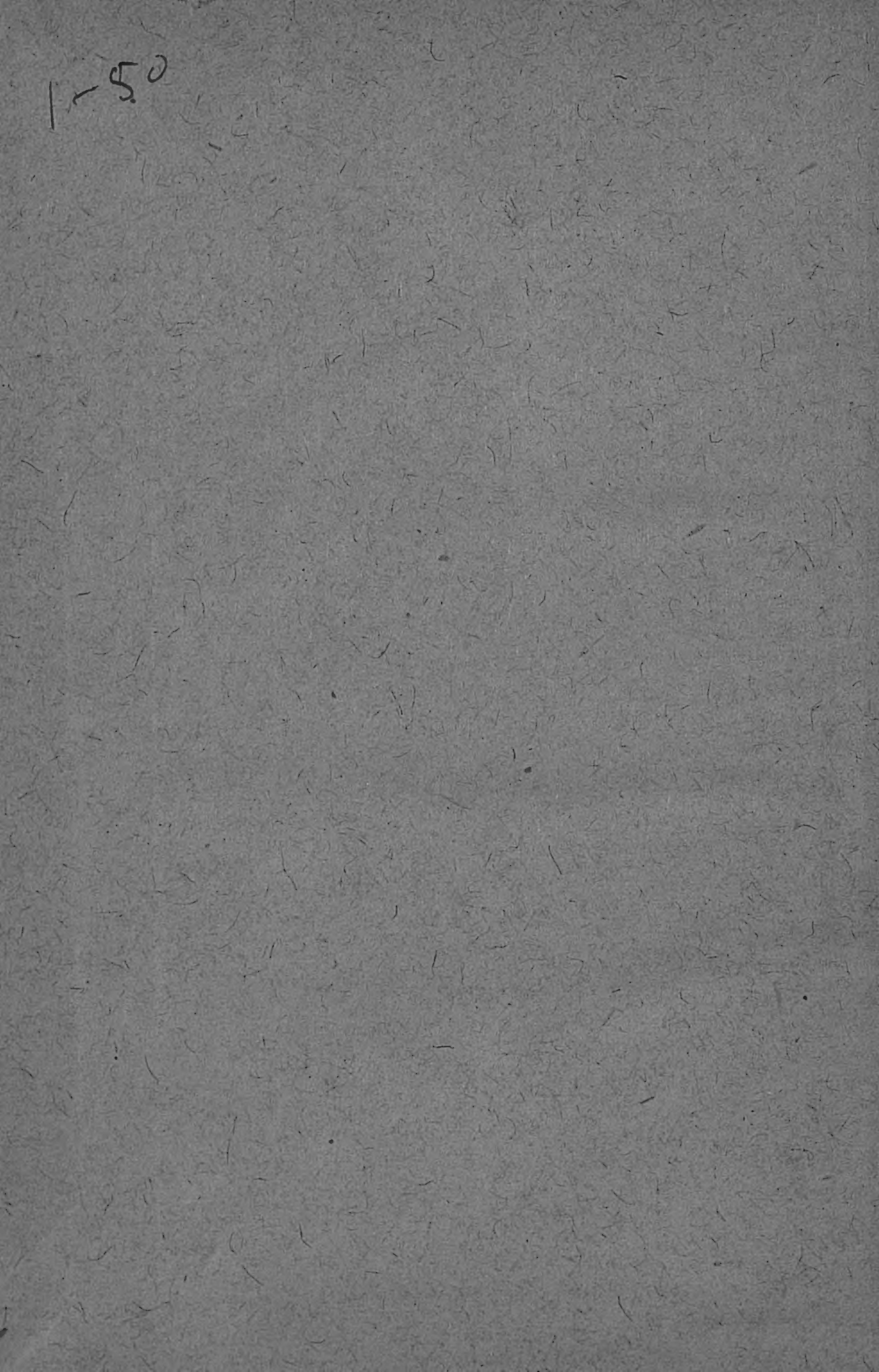
Начало уже сделано в школах. Повидимому, правительство держится иезуитского правила: „отдай мне ум твоего ребенка, и я сделаю из него человека.“ Детей учат военной тактике, слава военных подвигов в школе ставится выше всего, и юные умы развраща-

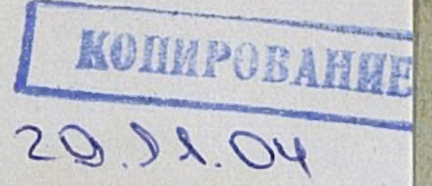
ются, чтобы угодить правительству. Кроме того, всюду развешаны яркие плакаты, в которых юношество убеждается присоединиться к армии или флоту. „Прекрасный случай увидать весь мир“, кричит правительственный агент. Так невинных мальчиков пачкают патриотизмом, и Молох милитаризма захватывает нацию.

Американский рабочий вынес так много от солдата федеральных войск и штатов, что он совершенно прав в своем отвращении и оппозиции к обмундиренному паразиту. Однако, простое отрицание не разрешает этой великой проблемы. Нам необходима воспитательная пропаганда среди солдат,—антипатриотическая литература даст ему понятие о позоре его профессии, и это пробудит в нем совесть и сознание его настоящего отношения к человеку, от труда которого зависит его собственное существование.

Именно этого правительство и опасается больше всего. Оказывается, что для солдата присутствовать на радикальном митинге есть уже государственная измена. Без сомненья, они об‘явят чтение солдатом радикальной брошюры также изменой государству. Но разве мы не знаем, что правительства всех времен и народов всегда каждый шаг вперед называли изменой. Те, кто серьезно хочет работать для перестройки общества, может не обращать на это внимания и должен быть готовым на все, ибо, может быть, гораздо важнее сказать правду в казармах, чем на фабрике. Когда мы уничтожим ложь патриотизма, тогда мы очистим путь для построения здания нового, истинно свободного общества, где все национальности соединятся на основе всеобщего братства.

Содержание.

1-50

КОПИРОВАНИЕ

